

Инквизитор. Башмаки на флагах. Том второй.

Агнес

Автор:

[Борис Конофальский](#)

Инквизитор. Башмаки на флагах. Том второй. Агнес

Борис Конофальский

Путь инквизитора #8

Второй том седьмой книги, в котором всё и решится, где каждому воздастся.

Борис Конофальский

Инквизитор. Башмаки на флагах. Том второй. Агнес

Глава 1

На следующий день он решил, что поедет с Брюнхвальдом и Рене, выберет место под лагерь. Нашли хороший пустырь у реки, чуть выше по течению, чем Лейденице, как раз на дороге к Эвельрату. Там был и к реке доступ, и непролазные заросли для костров вдоль берега, и места для нужников. И мужики, хозяева тех дебрей, были нежадны.

Рене был назначен комендантом лагеря и с тридцатью людьми остался там ставить первые палатки. Окапывать и ставить частокол нужды не было – чай, чужих войск тут не было. На обратном пути пришлось переждать резкий ветер и ледяной дождь, но на молчаливый вопрос капитан-лейтенанта: на кой чёрт

городить городулины и строить лагерь за рекой, да ещё хоть и немного, но платить за дурную землю, если своей дурной земли мерить-не перемерить, – он так и не ответил.

Зато на пристани он встретил своего купца-шпиона Гевельдаса, который был ему очень кстати. Они остановились и долго говорили наедине. И Волков никого не подпускал к себе: ни Максимилиана, ни племянника Бруно, хотя тот и ждал своей очереди поговорить.

Затем купец Гевельдас поехал с Волковым к нему домой, где они, позвав умного попа брата Семиона, уселись втроем за стол и стали писать во множестве векселя-расписки на крупные суммы денег за именем кавалера полковника господина фон Эшбахта. Тех расписок было много. Бумаги были разного достоинства, от двадцати талеров славной земли Ребенрее до ста монет. И лишь после этого они звали к себе ждавшего распоряжений капитан-лейтенанта Брюнхвальда, которому Волков всё объяснил:

– Денег я вам, Карл, не дам. Вот расписки и векселя на моё имя, платите ими. Старайтесь платить этими векселями во Фринланде.

– А будут ли купчишки из Фринланда брать ваши векселя?

– Так вы постарайтесь, чтобы брали. Вот и господин негоциант господин Гевельдас тому способствовать будет. И говорите, что до мая все векселя будут погашены или товары возвращены. На то я даю своё рыцарское слово.

– Ясно, – говорил Брюнхвальд. Ему всё равно, он будет делать так, как ему скажет Волков.

За это тот его и ценит.

– Телеги и палатки можете начать покупать, с лошадьми не торопитесь, нет смысла их сейчас покупать и кормить, если понадобятся они лишь к апрелю. Бобы, соль, сало тоже купите. Думаю, если Бертье и его сержанты расстараятся, скоро уже начнут приходить в лагерь люди. Их-то кормить придётся. Сильно не торгуйтесь, купчишки жадничать будут, так вы уступайте, авось бумагами платим, а не серебром.

– Но после же всё одно – придётся платить серебром, – заметил капитан-лейтенант.

– Так-то после будет, – беззаботно отвечал кавалер. – Придёт время и, если жив буду, так рассчитаюсь, авось не вор.

Так дело и пошло.

Ни в чем этому его делу препятствий не было. Во Фринланде, Ланне и Малене нашлись люди, готовые воевать. Уже пару лет, как те места империи жили без войны, и добрых людей, что готовы были взяться за железо, было предостаточно. Два опытных офицера так и вовсе из Вильбурга пришли наниматься к нему, у курфюрста Ребенрее работы для себя не сыскав. И старый его знакомец из Ламбрии, Стефано Джентиле, объявился. Он ушёл недалеко на юг, а как услышал, что кавалер собирает войско, поговорил с корпоралами роты, и они вместе решили вернуться на север. Ещё раз стать под бело-голубое знамя кавалера.

Однако Волков их брать не спешил. Конечно, хорошие арбалетчики всегда нужны, но, во-первых, кавалер хотел довести количество своих стрелков, стрелков с огненным боем, до трёх сотен – всяк свои лучше наёмных, а во-вторых, он хотел уменьшить сумму найма ламбрийцев. Те из спеси своей, гордыни и жадности просили пять талеров на человека в месяц. Меры совсем не знали. Поэтому пока кавалер дозволил ламбрийцам жить в лагере на его харчах, но контракта им не обещал. Говорил, что подумает.

Дел стало у него так много, что уходил он на заре, едва поев, и приезжал к ночи. Много времени отнимали у него купцы. Все, все хотели его личных обещаний, что по вексям его он расплатится.

Он встречался со всеми, никому не отказывал и всем говорил, что обязательно по вексям платить будет. Что до мая расплатится. Клялся в том на Писании. И ему верили. А как не поверить, Божий рыцарь на Святой Книге поклялся. И купчишки везли Карлу Брюнхвальду всё, что нужно. И недели не прошло, как в лагере за рекой раскинулись палатки во множестве. Появились огромные двадцативёдерные чаны над кострами, в которых крепкие повара кипятили воду, варили бобы или горох. Вдоль дорог выстраивались ровные ряды крепких

обозных телег. С утра над рекой разносился медный звон, трубачи играли побудку, после били барабаны. И больше трёх сотен уже набранных людей вместе с новыми офицерами и новыми сержантами занимались с утра построениями. Делились на роты, знакомились.

Как-то поутру он спустился вниз, а там весёлый Бертъе болтает с Увальнем. Доложил Волкову, что вчера вечером привёл в лагерь ещё тридцать шесть очень хороших людей и пришёл за деньгами для новых контрактов.

Волков денег ему отсчитал, и они сели было завтракать, как вдруг наверху там, где были покои жены, графини и матери Амелии, стали раздаваться крики, началась странная суеда. Когда удивлённый кавалер просил Увальню узнать, что там опять происходит, думая, что бабы снова затеяли свару с руганью, так Увальню наверх даже не пустили, монахиня гнала его обратно, сказав, что мужчинам нельзя туда. Тогда кавалер остановил девку-служанку с тазом горячей воды, бежавшую наверх, и требовал от неё сказать, что там происходит, на что та радостно сообщила:

– Графиня протекла, рожать надумала.

Волков и опешил. Ждал, готовился к тому, а тут раз... И всё равно неожиданно вышло. Впрочем, как и обещала мать Амелия, и двух недель с того их разговора не прошло.

Ему поначалу даже есть перехотелось, а Бертъе, радостно поедая фасоль в мучной подливе на говяжьем бульоне, уже стал его поздравлять. Волков, сказал ему зло, чтобы не каркал раньше времени. Бертъе с ним согласился и, видя, что хозяин сильно волнуется, забрал с собой кусок сырного пирога и ушёл, сказав, что расскажет всем о новости.

А кавалер действительно есть не мог. Когда с ним такое только было? Да никогда, разве что из-за болезни такое приключалось, а тут – ну не лезет в горло кусок, и всё. Хотя самый сильный аппетит у него, как и у всех, кто служил в солдатах, был всегда с утра.

Приказал себе вина нести. Ничего, что утро.

Он так и пил. Сидел и пил вдвоём с Александром, глядя как девки всё носят и носят тазы с горячей водой наверх, да полотенца, да простыни.

– Ну, что там? – спрашивал у них Волков время от времени, вертя пустой уже бокал в руке.

– Рожает, господин, ещё не разродилась, – отвечали девки одно и то же.

И тут одна из бегавших девок, чуть спустившись с лестницы, перегнулась через перила и крикнула:

– Господин, разрешилась графиня! У вас племянник!

«Племянник? Да-да, конечно, племянник! Кто же ещё?»

Он так и сидел в нерешительности. А сверху, сквозь другие звуки, разговоры и шумы, донёлся детский плач. Плач обиженный, недовольный. Но никак не испуганный. Нет, совсем не испуганный.

– Спроси у монахини, можно мне его видеть? – наконец вымолвил он.

– Можно, можно, – говорила мать Амелия, спускаясь по лестнице. – Графиня сейчас спустится.

– Спустится? С ней всё в порядке?

– А чего ей будет, кобылице-то. Видно, в вашу породу пошла, крепка, как и вы, я таких крепких не видала за всю жизнь. Уже встала, слуг ругает.

И вправду, кавалер увидел, как по лестнице спускается девка дворовая, за ней Бригитт, а уже за ней идёт сама Брунхильда. Идёт осторожно, под ноги на ступеньки смотрит и несёт в руках свёрточек.

– За попом послали? – кричит монахиня.

– Ой, сейчас пошлю, – всполошилась Бригитт. – Эй, Анна, беги найди отца Семиона, он либо в церкви, либо в кабаке.

А с кухни выбежали все: и Мария, и мужики с конюшни. И Максимилиан приехал, и Увалень, и Ёган в грязных сапогах следит в чистой зале, все хотят видеть племянника.

А Брунхильда подходит к Волкову, показывает ему младенца. Волков замирает поначалу, а она и говорит, многозначительно глядя кавалеру в глаза:

– Вот, братец, кровь ваша.

– Дозвольте взять, – говорит он, отводя глаза от неё и глядя на младенца.

Она передаёт ему младенца, страшенького, тёмного лицом, кажется еле живого. Он ему представляется очень лёгким.

– Мелок он. Невесом совсем, – говорит Волков.

Лучше бы такого он не говорил, глаза графини вспыхнули гневом, того и гляди кавалер схлопочет оплеуху сестринскую, как уже бывало некогда.

– Нет, – говорит монахиня, – совсем не мелок, то ваша порода, не Маленов. Малены невелики, а он велик. Как графиня родила его так легко – диву даюсь.

– Дайте сюда, – говорит Брунхильда после слов монахини тоном победным.

Но Волков не отдаёт:

– Нет, ещё подержу, – бережно держа ребёнка, он садится в своё кресло, – ему надобно теперь и имя придумать.

– Всё уже придумано и согласовано с домом Маленов, с семейной книгой, – говорит графиня. – В честь деда его первое имя будет Георг, в честь дяди, славного воина – Иероним. Итак, сын мой будет зваться Георг Иероним Мален фон Грюнфельд.

– Георг Иероним Мален фон Грюнфельд, – повторил Волков, глядя на младенца. – Да, пусть так и будет. Пусть так и будет.

– Надеюсь, – негромко, но с претензией продолжала Брунхильда, так что кажется один Волков её слышал, – имя это будет не пустое. Надеюсь, что к своему имени мой сын и поместье получит.

– Обязательно получит, – так же тихо сказал Волков. – Какой же он Грюнфельд, коли у него поместья не будет.

И уже вставая из кресла, он поднял ребёнка над всеми и сказал громко:

– В честь племянника моего, вина! Всем вина, слугам вина. Мария, госпожа Ланге, велите резать свиней и кур, хочу большого пира.

Он обещал Брунхильде, что «племянник» будет иметь свой удел. Но это был как раз тот случай, когда легко только обещать. На самом же деле, даже имея на руках брачный контракт и вдовый ценз, оформленные по всем правилам, для вступления во владение поместьем Грюнефельде нужно было согласие графа. Или хороший отряд солдат. Но ему не хотелось опять и опять всё решать силой. Его и так не любили местные дворяне, это было ясно. Усугублять эту нелюбовь очередной грубостью ему очень не хотелось. Поэтому следующим утром он звал к себе Максимилиана:

– Возьмите двух хороших людей с собой, фон Клаузевица и ещё кого-нибудь, и езжайте к графу в Меленсдорф. Скажите, что я прошу его о встрече. Хочу встретиться с ним на границе наших владений, в том месте, где в прошлый раз встречались для решения важного дела. Едете с визитом официальным, так что возьмите с собой малый флаг мой.

Максимилиан понимающе кивал:

– А согласится ли граф выслушать меня, примет ли?

– Думаю, что уже донесли ему, что я собираю солдат во Фринланде. Также думаю, что не захочет он увидеть тех солдат под стенами своего Маленсдорфа.

Так что примет и выслушает. Вы же говорите с ним без грубости, но с достоинством. Помните, вы под знаменем моим и представляете меня.

- Да, кавалер.

Не успел Максимилиан уехать, так наверху опять шум, опять ругань. Новоиспечённая мамаша бранила кормилицу за неопрятность и госпожу Ланге за жадность. Потом шумная и раздражённая спустилась вниз и без обиняков заявила кавалеру:

- Мне надобны деньги. Платьев у меня новых нет, рубахи хуже, чем у черни, башмаки все так стары, что их даже прислуга не ворует. Дайте мне братец денег, хоть чуть-чуть.

Волков даже не успел просить, сколько это «чуть-чуть» в талерах, как госпожа графиня сказала:

- Дайте хоть талеров триста.

«Чуть-чуть – это триста монет?!»

Но спорить с ней он не стал – графиня путь прошла нелёгкий и отличный мальчик-крепыш дался ей нелегко. Единственное, что он сделал, так это дал ей десять гульденов, что равнялось всего двумстам семидесяти-двумстам восьмидесяти талерам, в зависимости от курса у меня.

Брунхильда сразу схватила деньги цепкой ручкой, уж в этом она совсем не поменялась, и тут же велела запрягать свою карету, сказав Волкову:

- Ещё думаю себе служанку в городе нанять, местные ваши девки все дуры да деревенщины. Мне они не подходят.

«Ну уж нет, обойдёшься местными».

- Даже не думайте, я городских оплачивать не буду, найдите себе посмышлёнее из местных.

Графиня лишь скривилась и, оставив чадо на монахиню и кормилицу, укатила в город за покупками.

В то же утро приехал Иоахим Гренер и был очень, очень рад услышать от Волкова, что тот предлагает ему чин кавалерийского капитана и, соответственно, капитанское содержание и капитанскую долю в добыче, коли та будет.

- Друг мой, дорогой мой сосед, уже и не знаю, как вас благодарить.

- Полно вам, - отмахивался кавалер.

- Да как же «полно», когда сие честь для меня, истинное счастье - к старости получать такой чин от настоящего полковника Его Императорского Величества. Кстати, позвольте поздравить вас с чином, господин полковник, - говорил старик, едва сдерживая слёзы.

- Хорошо, хорошо, - кивал Волков, - спасибо вам, друг мой, но давайте уже поговорим о делах.

- Конечно, конечно, господин полковник, давайте.

- Надобно мне, дорогой сосед, набрать эскадрон кавалерии, но не рыцарской стати, пусть всадники будут полегче. Но при хорошем доспехе, на то выделю денег. Еще дам вам свой выезд, всех, даже фон Клаузевица.

- Господин фон Клаузевиц добрый рыцарь, - сказал Гренер.

- Вот и возьмите его себе лейтенантом, деньги я вам выдам. Деньги дам хорошие, по пятнадцать монет на человека в месяц.

- Отличное содержание, на такие деньги мы без труда наймём хороших людей.

- Но! - Волков поднял палец, как предупреждение.

- Да, кавалер? - Гренер слушал его со всем вниманием.

– В эскадроне не должно быть никаких благородных господ, никаких гербов и флагов, флаг и цвета только мои. И чтобы каждый кавалерист знал, что я не допущу и намёка на неповиновение или самоуправство.

Гренер отлично понимал, на что намекает Волков:

– Именно так и будет, господин полковник. В эскадроне будут полная строгость и дисциплина. Я за тем прослежу.

– Абсолютная дисциплина! – повторил Волков. – И доведите до сведения набираемых людей, что я не погнушаюсь использовать скреещение оглобли, даже если кто-то будет из благородных.

– Доведу до сведения всех, что за неповиновение или ослушание вы будете вешать.

– Мы будем вешать, мы, дорогой сосед, – уточнил Волков.

– Да-да, мы будем вешать, господин полковник, – исправился капитан Гренер.

Глава 2

А тем временем уже пора было собираться в дорогу в Нойнсбург, на военный совет к маршалу фон Боку. Наум Коэн говорил, что через две недели нужно ему быть на военном совете, а неделя-то уже прошла, а до Нойнсбурга путь был неблизкий – город сей от Ланна почти в полутора днях езды, то есть от Эшбахата почти пять дней пути.

Вечером он собрал офицеров, чтобы решить, с кем поедет на совет.

Конечно, не хотел кавалер оставлять новый лагерь без Карла Брюнхвальда, но всё-таки своего капитан-лейтенанта он решил взять с собой, главным в лагере оставив капитана Рене с нанятыми офицерами. Роху и кавалериста Гренера тоже

взял с собой. А Бертъе оставался своему старому товарищу в помощь. Тем более, что ехать ему не хотелось, уж больно он увлёкся наймом солдат, в чём преуспевал. Так же он собирался взять с собой выезд.

Бригитт слушала разговоры о приготовлениях к поездке внимательно и, дождавшись его вечером в постели, поправляя ему волосы рассеянно и мимолётно задумчиво сказала:

– Господин, вы заросли, надобно вам подстричься перед поездкой.

– Вы правы, вы как всегда правы, – сказал, целуя ей руку в запястье.

– А возьмите меня с собой, – вдруг произнесла красавица, – карета у меня есть, конюх есть, служанку возьму, да и поеду с вами.

Волков уставился на неё не то удивлённо, не то обрадованно. А госпожа Ланге продолжала, глядя на него и опять трогая его волосы:

– Надоели мне эти дуры, видеть их, слышать их больше не могу, раньше и то дом был шумный, а как графиня приехала, так житья в нём совсем не стало.

Он продолжал молчать, думая о поездке с Бригитт в Нойнсбург. Представляя её себе.

– Я хоть Ланн посмотрю, а то я кроме Малена других городов и не видала, разве что в Вильбурге в детстве была.

Кто, как не она, заслуживала всего, о чем просила. Не будь она мелочна и зла, мстительна, хитра и подла по отношению к Брунхильде и Элеоноре Августе, то ему и упрекнуть-то её было не в чем. И в ведении хозяйства, и в уме, и своей ненавязчивой ласке, в строгой опрятности и в безупречной красоте – во всём она была хороша. А за бабьи дразги он, конечно, упрекать её не хотел. С этим всем женщины сами пусть разбираются. Единственно, о чём он думать стал, так это о том, что лучше в Ланне ему с ней остановиться в трактире. Почему-то ему совсем не хотелось вести её в дом. В тот дом, где давно хозяйничала Агнес.

Он никак не мог принять решение, взять её или отговорить от поездки. Может, отговорить её на этот раз. После, после как-нибудь он возьмет её в прекрасный город Ланн и, может быть, даже познакомит с архиепископом.

Но Бригитт тут вдруг сказала:

– Хорошо бы мне с вами поехать, да не получиться ничего.

Волков опять, не говоря ни слова, смотрел на неё, на сей раз удивлённо. А она продолжала:

– На кого же я брошу поместье? На нашу госпожу пришибленную, на Ёгана, на Марию или, может, на эту графиню вашу? – она поцеловала его в щёку и легла на подушки рядом. – Нет, в следующий раз поеду, как вы с войнами своими уgomонитесь, так и поедем.

Всё-таки она была редкой умницей. Как будто слышала его мысли, даже самые сокровенные. Он положил руку ей на бедро, на горячее, сильное бедро молодой женщины. А она сразу ожила, словно ждала этого, схватила его руку и подняла к себе на живот. Прижала её к себе крепко, а после перевернулась и стала целовать его жарко, обнимать стала. Последнее время она всё время искала близости, даже когда он к ней не стремился, но её его прохладность не останавливала. Она чуть не требовала от него ласки; кажется, монахиня была права – присутствие в доме беременных женщин словно подстёгивало Бригитт. А он старался ей не перечить. Пусть будет, как ей хочется.

Кавалер приехал на встречу с одиннадцатью сопровождающими, а граф не поленился взять с собой аж два десятка человек. Волков уже даже подумывал, не соблазнится ли граф напасть. Но Теодор Иоганн Девятый граф фон Мален был не из тех, кто действует подобным образом. И они начали разговор, не слезая с коней.

– Рад сообщить вам, что графиня благополучно разрешилась младенцем мужского пола, дорогой родственник, – начал Волков сразу после приветствия. – Графиня велела назвать младенца в честь вашего деда, зовут младенца Георг Иероним Мален фон Грюнфельд.

– Прекрасное имя. Что ж, поздравляю вас, – холодно отвечал граф. Он прекрасно знал, о чём пойдёт разговор дальше и уже приготовил ответы, но ритуалы вежливости нужно было блюсти. – Надеюсь графиня во здравии? Впрочем, ясно что во здравии, ваша порода весьма крепка.

– Благодарю вас, здоровье графини прекрасно, – подтвердил кавалер. – Я, кстати, звал вас, дорогой родственник, чтобы узнать, когда графиня и брат ваш смогут вступить во владения поместьем Грюнефельде, которое принадлежит ей по вдовьему цензу.

– Сие дело вы затеяли напрасно, – так же холодно отвечал Теодор Иоганн, – фамилия не думает, что поместье принадлежит вашей сестре и её... ребёнку.

– Но есть же брачный договор, – напомнил кавалер. Уж в этом он не сомневался, договор был заверен лучшими нотариусами города Малена.

– Фамилия считает, – граф почему-то не говорил «я считаю», – что батюшка был уже недееспособен, когда графиня понесла. Фамилия считает, что ребенок был зачат несправедливо. А посему, ни он, ни графиня не имеют права на удел, что записан во вдовьем цензе.

– Ах, вот как? – Волков усмехнулся. – Неправедно? Но почему-то об этом вы заговорили лишь когда ваш батюшка умер. Или был убит подлым способом.

Волков думал, что заденет графа этими словами, вызовет его раздражение, но ничуть не бывало. Теодор Иоганн фон Мален был всё так же холоден и отвечал всё так же спокойно:

– Фамилия Мален не признаёт новорожденного своим родственником и посему поместье графине не полагается. А коли вы желаете оспаривать поместье, так можете подать дело на рассмотрение суда равных. Благородные члены дворянского собрания графства соберутся и решат, кто прав, фамилия фон Мален или фамилия фон Эшбахт. А коли вас и это не устроит, так можете просить справедливости у нашего сеньора. Думаю, что Его Высочество Карл Оттон Четвёртый герцог фон Ребенрее незамедлительно разрешит нашу тяжбу.

Всё это граф говорил спокойно, вежливо и даже, кажется, с участием, но в каждом его слове кавалеру слышалась насмешка. Суд равных, суд сеньора! Да,

конечно, он мог обратиться туда, но у Волкова не было ни малейшего шанса на решение в свою пользу, мало того, он ещё мог с любого из этих судов угодить в подвалы к курфюрсту. Да, он мог по своему самовластию послать туда пять десятков солдат, поставить форт, так как замка в поместье не было, назначить своего управляющего и собирать с поместья деньги в свой счёт. Но с юридической точки зрения это ничего бы не решило. Поместье так и входило бы в домен семьи Маленов.

Но первый шаг, который нужно было сделать в длинном пути борьбы за поместье, он сделал. Всё стало ясно. И поэтому, уже не волнуясь за отношения с новым графом, он сказал:

– Суд равных, суд сеньора... Никуда я обращаться не буду. Но всё равно поместье будет принадлежать моей сестре, как и положено по справедливости и по закону.

Вот тут граф уже и не сдержался, он побледнел и произнёс негромко, почти сквозь зубы:

– Не бывать тому.

– Посмотрим, – так же зло ответил ему кавалер и дёрнул поводья.

Графиня после родов стала заметно хорошееть. Видно, купленные платья ей были к лицу.

– Ну, что вам сказал граф? – сразу спросила она кавалера, как только он вернулся домой.

– Сказал, что ребёнок ваш несправедливый, – сразу ответил Волков, усаживаясь в кресло.

Даже если это было и так, Брунхильду словно передёрнуло от возмущения. Слышать ей такое не нравилось, не хотелось:

– Неправедный! – воскликнула она. – Кто это говорит? Отцеубийца?

На шум вышла госпожа Ланге, остановилась, вникая в разговор. Волков поморщился:

– Успокойтесь, графиня, вы весь дом переполошили. Разве вы ждали другого их ответа?

– Неправедный, неправедный! – повторяла Брунхильда в ярости.

– Успокойтесь, говорю вам! – настаивал Волков. – Сядьте, выпейте вина. Госпожа Ланге, распорядитесь о вине для меня и для графини.

– Да как же мне успокоиться! – не остывала разъярённая графиня. – Отчего же он так говорит? С чего он взял?

– Он говорит, что граф был стар и уже недееспособен.

– Граф был дееспособен...– закричала Брунхильда. – Хоть и не всегда!

Тут сверху стали спускаться Элеонора Августа и мать Амелия.

– Хорошо, что вы пришли! – воскликнула Брунхильда. Теперь у неё было, кому всё высказывать. – Братец ваш отказался признать моего сына праведным.

– Что? Как? – не понимала сути разговора Элеонора Августа.

– Братец ваш не хочет отдавать мне моё поместье и поэтому утверждает, что рождённый мной ребёнок неправедный, – кричала Брунхильда, аж краснея от негодования. – Неправедный!

– Отчего же он так говорит? – всё ещё пыталась сохранить рамки приличия госпожа фон Эшбахт.

– Отчего? Скажите ей! – продолжала графиня.

– Граф утверждает, что ваш папенька был недееспособным, когда женился на графине, – нехотя произнёс кавалер, который вовсе не хотел всех домашних, и

особенно жену, втягивать в эти дразги.

А вот Брунхильда хотела, и поэтому продолжала кричать Элеоноре Августе, словно это она ставила под сомнение её притязания на поместье:

– Ваш брат откуда знает о брачной состоятельности своего отца? Ниоткуда, он просто не хочет отдавать то, что мне причитается! И это всё затеяла сестрица ваша старшая, вздорная старуха Вильгельмина! Старая сумасшедшая ведьма! Отравительница!

А Волков уже махал рукой монахине, чтобы та уводила госпожу в свои покои. Монахиня взяла жену под руку, да та заартачилась, не пошла:

– Не смейте так говорить о моей семье! – воскликнула Элеонора Августа. – Коли не верят вам, так может ещё и правильно делают!

– Не вам, распутной, судить! – кричала ей в ответ графиня. – Обо мне никто ничего сказать не может, а о ваших похождениях, при живом-то муже, всем известно!

Элеонора Августа сразу зарыдала и тут уже монахине удалось увести её наверх, а она шла и приговаривала:

– Ах за что мне это? Чем я Господа прогневила?

Эти вопросы очень удивили кавалера. При всей этой неприятной ситуации он едва не рассмеялся, такими удивительными и забавными ему в этот раз казались все эти женщины и их крики.

– Уж больно вы злы, – вдруг вступилась за Элеонору Августу госпожа Ланге, она как раз принесла графин с вином и бокалы. Сама принесла, чтобы прислуга не слушала, господские раздоры. – Негоже так на беременную кричать, тем более что она ни в чём не виновата.

– А вам-то кто дал право говорить? – удивлялась Брунхильда. – Уже всякой приبلудной бабёнке, которую господин к себе под перину пустил, и твякать на меня дозволяется?

Брунхильда сидела в конце стола, а Бригитт как раз наливала ей из графина вино и... дёрнула рукой, и несколько капель красного вина так и полетели на недавно купленное, очень красивое платье графини.

Ни Волков, ни тем более Брунхильда ни секунды не сомневались, что госпожа Ланге это сделала специально.

– Ах ты... – только и вымолвила Брунхильда, вскакивая с места и разглядывая пятна на новом платье. – Ах ты, подлость рыжая, ах ты, дочь шлюхи...

Она стала проворно выходить из-за стола. Графиня была чуть выше, значительно сильнее Бригитт и собиралась этим, кажется, воспользоваться, она чуть не рукава узкие на платье засучивала уже.

– Ах ты, шалава рыжая... Пригрелась тут... Прижилась! Девка трактирная...

А Бригитт, кажется, совсем не боялась её. Она покраснела от оскорбления и никуда не уходила, не убегала.

– Хватит! Молчать всем! – заорал кавалер и своим рыцарским кулаком ударил по столу. – Хватит! Не угомонитесь, так велю держать вас в амбаре в холодном. Пока не успокоитесь. Устал я уже от ваших склок!

– Господин мой, но разве вы не слышали... – начала госпожа Ланге.

– Я велел молчать! – он снова ударил по столу кулаком. – Молчать!

Госпожа Ланге обиженно поджала губы. Госпожа графиня тоже стояла молча, не отваживались его послушаться. Вот только надолго ли их послушания хватит?

Он закрыл глаза и стал тереть их рукой, словно прогоняя наваждение.

«Быстрее бы уже на войну. Хоть на какую-нибудь. Там уж спокойнее будет».

Не дожидаясь обеда, хотя и хотел уже есть, он уехал из дома. Опять дули юго-восточные теплые ветра. Середина февраля, скоро уже весна. На дорогах корка льда, залитая водой, шаг в сторону – глина оттаявшая. Он с одним Увальнем поехал сначала на пристань, где узнал от мужиков с пришвартованной баржи, что весь уголь уже перевезли и последние телеги с углём только что ушли в город. Значит, успели всё перевезти до распутицы. А вот тёс и доски господин Гевельдас начнёт возить со следующей недели. Так что доскам придётся лежать под навесом, пока дороги не просохнут. Ну хоть уголь успели перевезти. Надо было узнать у племянника, как в городе идут дела с его продажей.

Он заехал к сестре, но дворовый мужик сказал ему, что господин капитан Рене безотлучно сидит в лагере за рекой, а его жена, госпожа Рене, забрала младшую дочь и уехала в Мален навестить свою старшую замужнюю дочь. Никого он не мог застать дома, все его офицеры были либо в лагере, либо занимались делами. А так как день уже клонился к закату, самому ему в лагерь ехать не хотелось. Ну не ночевать же там. Пришлось поехать домой. К своим прекрасным женщинам.

Конечно, там его встретила Бригитт. Как всегда опрятная и в добром расположении духа. Она сразу подала ему воды помыться и стала накрывать на стол, приговаривая:

– Кажется, к ужину никого не будет. Госпожа фон Эшбахт и госпожа фон Мален просили подавать ужин в покои. Может, лишь мать Амелия придёт.

Так и получилось, за ужином они были за столом втроём. И разговор вышел весьма приятный. А когда ужин закончился, сверху спустился паж графини и поклоном сказал:

– Если господину будет угодно поцеловать племянника перед сном, как раз самое тому время. Вскоре кормилица его заберёт к себе.

Первый раз Брунхильда звала его к «племяннику». Конечно, был в этом какой-то подвох, но, как ни странно, кавалеру захотелось увидеть «племянника». Захотелось взять его на руки и даже покачать.

– Скажите графине, что перед сном я зайду к ней, – ответил он пажу достаточно холодно.

С определённого времени пажа он не любил.

Когда со стола стали убирать, он допил вино и пошёл наверх, там по-хозяйски, не стучась, отворил дверь в покои графини. И обомлел.

Брунхильда был лишь в нижней рубашке. И рубашка та была настолько тонка и прозрачна, что не оставляла места никакой фантазии. Молодая женщина сидела у зеркала практически голой. Ни румяна не смыла, ни причёску не распустила. И спину, и зад, и тёмные соски сквозь рубаху видно. И это при том, что на её же кровати развалился мальчишка паж и смотрит на кавалера. Кавалеру сильно захотелось даль оплеуху сопляку. А может и графине. Но он только с каменным лицом указал пажу на дверь. Тот тут же вскочил и покинул покои, прикрыв за собой дверь. А графиня, как ни в чём ни бывало, встала и, ничуть не стесняясь того, что всё тело её можно рассмотреть даже при тусклой свече, подошла к колыбели и взяла оттуда младенца:

– Племянник ваш на удивление спокоен. Монахиня говорит, что сие редкость для крупных мальчиков.

Волков взял у неё младенца и тут же всё его раздражение и недовольство точно растаяли. И следа от них не осталось. Он прижал к себе младенца и сел на кровать графини разглядывая довольное лицо малыша. Графиня села рядом, заботливо поправляя пелёнки ребёнку, и невзначай почти голой ногою касаясь ноги кавалера.

Тут как раз в дверь постучали. И из-за двери донеслось.

– Госпожа, это я Гертруда.

– Да, – ответила графиня, – входи. – И пояснила Волкову: – Это кормилица.

Пришла опрятная баба из местных крепостных:

– Можно забрать ребёночка?

– Да, – Брунхильда довольно бесцеремонно отобрала младенца у кавалера, встала и, поцеловав ребёнка, передала его бабе. – Будет шуметь излишне, так

меня позови.

И выпроводила кормилицу, заперев за ней дверь. И тут же подошла к сидевшему на кровати кавалеру и сказала:

– Уже давно о том думаю, – она подошла, наклонилась к нему и поцеловала в губы. Сама была горячая, страстная. Навалилась на него, повалив на кровать. И, не отрывая своих губ от его, рукою опытной женщины стала искать то, что ей было нужно. На секунду оторвалась. – Ну, что мила я вам ещё, господин мой, не скучали вы по мне?

Он ничего ей не ответил, церемониться с ней он и не думал: скинул её с себя, так что у неё вся причёска рассыпалась, перевернул графиню на спину, задрал ей невесомый подол, да раздвинул ей ноги так широко, как только она могла вынести.

Нет, он её не забывал.

Уже после стал он надевать свои панталоны. А она лежала на спине, всё ещё не прикрывшись ни периной, ни даже прозрачной своей рубахой, и говорила:

– Что, к рыжей своей шалаве идёте?

Он промолчал.

– К чему вам? Оставайтесь тут спать. Она и одна переночует. Или у вас и на неё ещё прыти хватит?

И тут Волкову подумалось, что графиня в подлости своей и не скучала по нему вовсе. А заманила его сюда и отдалась ему только лишь, чтобы насолить Бригитт. И чтобы совсем ей нос утереть, хочет оставить его у себя в спальне до утра.

– Нет, – сказал он. – Пойду спать к себе.

А графиня подперла голову рукой и улыбаясь говорила:

- Коли не пустит вас, так возвращайтесь, я приму, я не гордая.

Теперь у Волкова сомнений не было, она специально его сюда позвала, чтобы рассорить с госпожой Ланге. Видно, за платье.

А Бригитт сидела у зеркала, расчёсывала волосы. Когда он пришёл даже не повернулась к нему.

Он сел на кровать, снял туфли, и тут Бригитт сказала:

- Слухи ходили, что госпоже графине вы не брат. Думала, то глупости.

Он ничего ей не ответил. Неужели она под дверь графини стояла и слышала, чем они занимались.

- Думаю, мне ласки от вас сегодня ждать не нужно, - произнесла она, ложась в постель.

- Нет, - сказал Волков. - Устал сегодня.

- Что ж, спокойной ночи, - попрощалась она, поворачиваясь к нему спиной.

- Спокойной ночи, моя дорогая, - отвечал он, а сам положил руку ей на зад.

Бригитт зло скинула его руку ничего не сказав.

Волков вздохнул.

«Быстрее бы уже на войну».

Думал он недолго. Здоровье его со временем лучше не становилось. Боль в ноге отпускала, лишь когда он в кресле у камина сидел. А уж за пять дней в седле ногу ему вывернет так, что он потом её наступить целый день не сможет. Поэтому коня, он, конечно, взял, даже двух хороших коней взял, но поехал на роскошной карете Бригитт. Хотел монаха, брата Ипполита, с собой взять, да передумал. Мало ли что с младенцем приключится или с беременной женой, пусть лучше хороший лекарь при них будет. Поехал с офицерами и ближним выездом: Максимилианом, Увальнем, фон Клаузевицем и молодым Гренером. И ещё взял полдюжины проворных солдат из людей Бертье.

Даже сравнивать нельзя путешествие в карете и верхом. В карете он всё время спал, а когда высыпался, то ел да смотрел в окно через стекло. Но карета едет, что ни говори, медленнее верхового. Даже пусть в неё впряжена и четвёрка хороших коней. В общем, чтобы не опоздать к намеченному сроку и успеть на военный совет, в Ланн не заезжали, а проехали мимо него вечером, поехав дальше на северо-восток. К Нойнсбургу.

Всё бы ничего, но чувствовал он себя не очень спокойно. Конечно, из-за дел домашних. Оставил трёх женщин дома, и женщины те все были друг на друга злы. И в этой злобе даже редкая разумность госпожи Ланге меркла, застилаемая её неприязнью к графине. Графиня повадками своими была чересчур резка и требовательна. И даже, казалась бы, непримиримые в своей неприязни друг к другу Бригитт и Элеонора Августа примирились, чтобы вместе не любить Брунхильду. Уезжая, он долго говорил с Бригитт о делах поместья и особенно о том, что «племянник» ему очень дорог, и чтобы Бригитт не смела ничего делать назло графине. И, конечно же, она, склоняясь в низком реверансе, это ему обещала. Но, зная её подлый и упрямый характер, кавалер не верил ни единому её слову. И поэтому он ещё поговорил с монахиней. Просил её, чтобы в доме она хранила мир и пресекала распри. Мать Амелия его выслушала с лицом полным недовольства. И сказала:

– Уж как получится. Но я по монастырю вам скажу, господин, что даже в монастыре, где есть непререкаемый авторитет аббатисы, бабьи склоки нескончаемы. А уж тут...

– Пресекай распри, мать, и следи, чтобы у моей жены всё было в порядке.

– Молитесь, господин, – лишь отвечала монахиня.

Он и молился... Когда не забывал.

Хотел приехать в Нойнсбург за день до совета, а приехал в день совета. Крепкий то был городишко. Не Ланн, конечно, и не Вильбург. Даже меньше Малена был он. Но уж стены, глубокие рвы с водой, ворота, мосты и новомодные бастионы – всё в нём было новое и крепкое, всё говорило о том, что этот город готов увидеть под своими стенами врагов. И это немудрено. Ещё день пути на северо-восток, и начинались земли князей еретических. Князей Экссонских. Князей, что были богаче императора.

Хорошо, что совет был назначен на послеобеденное время. Волков надел самую дорогую свою шубу. Дорогой колет глубокого синего цвета, берет чёрного бархата, серебряную цепь с гербом курфюрста Ребенрее, что тот ему жаловал за дело в Хоккенхайме. Перчатки чёрной замши и чёрные мягкие сапоги завершали его костюм. Так и приехал он к малому городскому замку на улицу Жестянщиков, где и должен был быть совет.

– Как прикажете доложить о вас? – спросил их сержант- привратник.

Максимилиан уже хотел кричать: «Рыцарь Божий Иероним Фолькоф...» и так далее по списку, но Волков остановил его жестом и сам сказал:

– Доложи, что приехал полковник Фолькоф.

И минуты не прошло, как ворота замка раскрылись, и он со всеми своими офицерами въехал на небольшой двор, где уже почти не было места от осёдланных лошадей. И их тут же звали внутрь замка.

В большой приёмной зале уже было не менее двадцати человек. Одного взгляда на них кавалеру хватило, чтобы понять, что это всё люд военный. Волкова, Брюнхвальда, Роху и всех молодых господ из выезда, что были с ним, никто никому не представлял. Здесь всё было по-военному естественно, без церемоний. Просто когда они входили в залу, люди им молча кланялись. И они в ответ молча кланялись всем.

И тут раздался высокий, совсем не старый голос, который кавалер сразу узнал. По паркетам залы чуть шаркающей походкой шёл высокий, худой, совсем седой старик. Волков помнил его высокий голос, голос этот совсем не изменился, он

сразу узнал его. Это и был маршал фон Бок. Старик сразу пошёл к кавалеру, остановился в паре шагов:

– Значит, вы и есть тот кавалер Фолькоф, которого мне так рекомендовали взять с собой?

Что-то было в этой фразе такое, что, хоть и не сразу, но не понравилось Волкову. Кажется, старик подчёркивал, что он мог бы обойтись и без Волкова, но раз уж ему его навязали... То ладно. Так и быть, он его возьмёт.

Кавалер низко поклонился.

– Полковник Фолькоф, к вашим услугам, господин маршал.

– Полковник? – спросил фон Бок, внимательно глядя на Волкова. – Георг? Тебе говорили, что кавалер ещё и полковник?

Георг фон Беренштайн. Ну конечно, вечный спутник и вечный заместитель фон Бока, как же без него. Он подошёл вслед за маршалом. И сказал:

– Нет, мне ничего не известно о звании кавалера.

Волков, как будто знал, что такое может произойти, он полез к себе в шубу и достал оттуда великолепный полковничий патент. Достал и с поклоном передал его Беренштайну. Тот развернул, быстро прочёл и показал его фон Боку.

– Ах вот как. Прекрасно, прекрасно... И почём же вы его купили?

– Был награждён им за заслуги, – опять поклонился и ответил кавалер.

– Ах, да... Припоминаю, припоминаю... У вас было, кажется пару драк с какими-то там горными разбойниками... – продолжал маршал. – Об этом говорили. Но неужели теперь за это император дарует такие чины?

– Не мне обсуждать решения императора, – Волков был сдержан и скромно. – Но я рад, что был удостоен такой чести.

– Конечно, конечно. И не мне тоже обсуждать решения Его Императорского Величества, – согласился быстро фон Бок. – Полковник, значит полковник.

Фон Беренштайн вернул кавалеру патент, а тот хотел было представить своих офицеров и уже начал:

– Господин маршал, это мой заместитель капитан-лейтенант...

– Потом, всё потом, – оборвал его фон Бок. – Беренштайн потом запишет ваших офицеров в приказы. А сейчас, господа, прошу всех за стол, пора начинать, раз все в сборе.

Все стали рассаживаться за длинный стол согласно указаниям фон Беренштайна.

– Отчего же вы не сказали, что командовать нами будет фон Бок? – с укором спрашивал у него Брюнхвальд.

– Не хотел всех пугать раньше времени, – ухмылялся Волков.

Нет, конечно, хоть и не хватал фон Бок звёзд с неба, но командиром он был безусловно опытным и знающим своё дело. Однако репутация бесчестного сквалыги за ним тянулась с давних-давних пор.

Все офицеры расселись, замолчали. Маршал встал и начал:

– Господа, коли угодно то будет Господу, так помолимся и возьмёмся за дело, – он остановился, осенил себя крестным знаменем и прочёл быструю молитву. Офицеры все, как один, повторяли за маршалом, и тот после продолжил. – Известно вам, что два года уже беду эту разрешить никто не может. Знаете вы, что уже который год мужичьё, что забыло свой долг пред Богом и людьми, презрев обязанности свои перед своими господами, от мирного земледелия отошли и, подстрекаемые еретиками и чернокнижниками, взяли в руки оружие и возомнили себя воинами.

Возомнили себя воинами и творят бесчинства на всём нашем северо-востоке. И многие добрые люди и благородные рыцари, позабыв Господа, встали под их

подлые знамёна, на коих нарисованы богомерзкие башмаки. И не гнушаются под теми знамёнами воевать, помогая подлому люду бесчинствовать.

Говорят, что всякие богомерзкие юристы пишут им тезисы, пишут, что дескать не должен мужик выходить на барщину чаще, чем раз в неделю, что, дескать, десятина церковная тяжела, что подати велики и много их. Мол, за это они и воют. Но на самом деле, вольная жизнь разбойников, жизнь без трудов праведных их всех прельщает. Говорят, что по многим княжествам мужиков, что встали под знамёна с башмаками, пятьдесят тысяч. Но нам все княжества, слава Богу, в усмирение приводить нет нужды. Гильдии купеческие и славные города просят нас о малом. Просят освободить от безбожного мужичья земли между Рункелем, Брехеном и Лимбрег-Линау. Посмотрите на карте, господа.

Все господа офицеры стали брать карту и рассматривать выделенные места, а фон Бок продолжал:

– Просят нас купцы освободить от мужичья весь приток Лиану, чтобы по реке можно было возить товары как до Фёренбурга, так и на северо-восток, в земли княжества Экссонгского. Для чего нам надобно перейти приток Эрзе южнее Брехена, найти тамошний отряд мужиков и, навязав ему генеральное сражение, разбить его и освободить судоходство на Линау. Мужиков там, по рассказам тех, кто уже это пытался сделать немного, тысячи четыре-пять. Но у них есть и солдаты, и офицеры, и рыцари. А руководит ими рыцарь Эрлихген. Говорят, у него железная рука удивительного свойства, которая якобы совсем как живая. Который, кстати, был в письме не по-рыцарски груб с императором. За что мы хаму должны воздать.

Четыре войска, два с нашей стороны и два со стороны еретиков, пытались этих мужиков побить. И были среди них мужи в военном деле сведущие. Но всякий раз все были биты сами. Прошлые отряды, что шли воевать на мужика, в глупой своей, самоуверенности были весьма малы. Я же побить себя не дам, и поэтому решил собрать войско в пять тысяч человек. Среди всех вас известные мне хорошо полковники фон Клейст, фон Кауниц и Эберст и неизвестный нам, господа, человек, которого очень, очень просили взять купцы, – это полковник Фолькоф. – Волков ещё раз встал и поклонился, чтобы его ещё раз увидели офицеры. – Надеюсь, также, что к нам присоединится отряд ландскнехтов капитана Зигфрида Кленка. Переговоры с ними ведутся. На этом всё, господа. Вечером прошу вас на ужин.

– Что значит всё? – Брюнхвальд наклонился к Волкову. – Как всё? А диспозиция кампании, а план похода?

– Может, после, – Волков и сам был удивлён.

– Мы пять дней ехали, чтобы узнать то, что и так знали, и посмотреть плохую карту?

Все офицеры стали вставать из-за стола, направляться к выходу из залы.

– Господа полковники, прошу вас не уходить, а подождать за дверью, вас вызовут, – вдруг сказал фон Беренштайн.

– Возможно мне скажут что-нибудь наедине, – предположил Волков.

Брюнхвальд понимающе кивнул.

Ждать ему долго не пришлось. Но перед вызовом на беседу к маршалу, к его удивлению, стали к нему сами подходить офицеры. Представляться и знакомиться с ним. Вернее, и с ним, и с Брюнхвальдом, и с Рохой. И стали говорить ему, что слышали о его победах над горцами. И сии господа не стеснялись выражать своё восхищение, никто из них не считал, что он побеждал каких-то горных разбойников, все знали, что горцы в пешем бою так же хороши, как и ландскнехты, а может ещё и лучше, и чтобы победить таковых, нужно недюжинное умение и стойкость.

Уважение и признание опытных, а то были офицеры несомненно опытом умудрённые, были в высшей степени приятны.

Но вскоре молодые адъютанты его позвали в залу, где только что был совет.

Маршал фон Бок сидел во главе стола, по левую руку от него сидел генерал фон Беренштайн. Адъютант собирал карту со стола. Волкову сесть не предложили.

Маршал расправил белые свои усы и сразу заговорил:

– Подлецы ландскнехты просят денег невероятных.

– Да, – поддержал его заместитель, – дешевле доппользольдеров нанимать, чем этих зарвавшихся забияк.

Начало разговора сразу кавалеру не понравилось. Как и то, что ему даже не предложили сесть.

– Скажу без обиняков, – продолжал фон Бок. – Вы здесь лишь потому, что за вас просили всякие ушлые купчишки. Всякие жида. И мне не нравится, что вам выдали деньги не через казну кампании, а отвезли лично. Нам как бы намекают, что вы какой-то особенный. Говорят, что справлялись вы с делами, что должна была делать инквизиция, и что вас так и кличут за глаза – Инквизитором.

Волков лишь едва заметно поклонился.

– Вижу, что человек вы ушлый, – продолжал маршал, не выбирая ни тона, ни выражений. – Вон и герб курфюрста Ребенрее у вас на груди висит. Говорят, что вы и к курфюрсту Ланна входи в дом. Но меня всем этим не проймёшь. Я, знаете ли, солдат, и никакого излишнего почтения ни перед попами, ни перед имперскими жидами-банкирами не испытываю. И я не допущу какого-либо самоуправства или неповиновения в своих войсках. Даже не надейтесь, что патент имперского полковника делает вас особенным. Коли нужно будет, – фон Бок невежливо тыкал в кавалера старческим артритным пальцем, – так я отправлю вас под трибунал и не посмотрю на ваших сиятельных или богатых покровителей. Надеюсь, вам это понятно, полковник.

Волков уже и забыл, когда его вот так вот отчитывали как мальчишку. Он не стал ничего отвечать, смолчал и лишь ещё раз поклонился. Кавалер думал, что этот разговор всего лишь о субординации, и был готов принять его. Каждый офицер, а тем более генерал, должен довести до своих подчинённых пределы своей власти, чтобы всегда и всем было понятно, что от кого ждать. Волков молчаливо, но принял безоговорочное верховенство фон Бока.

Но разговор на этом, как ни странно, не завершился.

– Друг мой, понимаете ли, – заговорил тут фон Беренштайн, – кажется, с ландскнехтами, а их шестьсот шестьдесят человек, нам договорится будет непросто. Уж больно много они хотят серебра.

Волков посмотрел на него с заметной долей удивления:

«А что же вам надобно от меня?»

– А вам, – продолжал генерал, – как нам стало известно, была передана изрядная сумма денег.

– Чрезмерная сумма, – добавил фон Бок.

«Ах, вот оно, в чём дело. Чрезмерная сумма! А я-то думал, дело в установлении субординации».

– Думаю, что излишки денег понадобятся нам для найма ландскнехтов, – продолжал фон Беренштайн.

Сказав это, и он, и фон Бок стали ждать, что ответит Волков, а тот ничего не говорил, молчал и глядел на руководителей компании. Он просто ждал, что ещё они будут говорить. Он не спешил.

– Отчего же вы молчите, – выкликнул фон Бок. – Экий вы молчун, однако!

– Или может вы думаете, что мы справимся без ландскнехтов? – поинтересовался фон Беренштайн.

«Я думаю, что вы, два старых жулика, не получите от меня ни пфеннига».

– Господа, – наконец заговорил он, – жид Наум Коэн долго уговаривал меня взяться за это дело. Сулил мне хорошие деньги и дал мне хорошие деньги. Иначе я бы занимался своей войной. И вам своим молчанием не докучал бы. И я подписал с жидом контракт. И в контракте, который я подписал, сказано: доппельзольдеров, солдат первых и задних линий, стрелков и арбалетчиков на моё усмотрение всего тысяча пятьсот человек, триста человек саперов с инструментом шанцевым и сто кавалеристов. Барабанщики, трубачи, кашевары, возницы и люди прочие тоже есть в контракте. На то мне и были выданы деньги. На ландскнехтов в моём контракте денег не было.

– В моём... В моём контракте! – закричал фон Бок раздражённо. – Нет никакого вашего контракта, дело делаем одно, и контракт у всех должен быть один. Один на всех. – Маршал сделал маленькую паузу и после стал выговаривать едко. – А вы сюда на дорогой карете приехали, прямо граф какой, весь в мехах и бархате, при гербах княжеских, да выезд весь ваш на хороших конях.

Волков покивал как бы соглашаясь с упрёками, но как только представилась ему возможность, заговорил:

– Цепь с гербом от князя Ребенрее заслужил я не на бальных паркетах и не за шутки на пиру – получил я её за дело тяжкое вместе с земельным леном. А карету мне подарили благодарные жители города Малена за победу над горцами при Холмах, а люди мои и вправду ездят на конях хороших, но коней тех я им не покупал, на дорогих коней у меня серебра нет, тех коней я брал железом в разных делах, коих в жизни моей было немало.

– Хорошо, хорошо, – примирительно заговорил генерал Беренштайн, – ваше право ездить хоть на карете, хоть на телеге, но не может такого быть, чтобы у вас денег от выданных вам не осталось. На дело сие купчишки собрали пять тысяч золота, нам дали всего три с половиной тысячи. Значит, вам дали полторы.

«Во оно как, купчишки видно ценят меня больше вашего, судя по тому, сколько мне они привезли золота».

– Сумма велика, – продолжал генерал, – у вас должно остаться много лишнего. Вам же надо собрать солдат всего полторы тысячи.

«Останется у меня больше, чем ты думаешь, но то золото не про вас».

– Господа, лишних денег у меня нет, – отрезал Волков.

Фон Бок опять что-то хотел кричать, но фон Беренштайн его урезонил явно по-дружески. Видно, хотел всё решить без ругани, и заговорил спокойно:

– Что ж у вас от ваших денег даже и трёхсот гульденов не осталось? Хоть триста золотых у вас есть?

«Хоть!? Хоть триста золотых!?!»

Для этих проходимцев триста злотых монет были мелочью, для Волкова же это было «целых триста золотых». Он на четыре сотни золотых, что добыл в Хоккенхайме, жил всё последнее время, да ещё и войну вёл.

– Нет господа, у меня нет денег, я всё подсчитал, всё раздал на дело, а лишние...

– Ну? И куда же вы дели лишние? – зло спрашивал маршал, трясая белой бородой.

– У меня были долги, я их раздал, – соврал Волков.

Нет, делиться своим золотом с этими проходимцами он не собирается, это уж точно.

Фон Бок аж вскочил:

– Имейте в виду, полковник, что как приведёте свои войска к смотру, так пересчитаю все телеги и котлы, пересчитаю каждого вашего солдата, каждого сапёра. И перечту все их контракты... И сочту каждую лопату, каждый гвоздь в подкове всех купленных вами лошадей. Не дай вам Бог, если не досчитаюсь того, что должно быть в вашем контракте с жидом Коэном! – он стучал пальцем в стол. – Не дай вам Бог!

Волков смиренно молчал. Но как бы его ни пугали, как ни кричали на него, никаких денег он им обещать не собирался, ни при каких обстоятельствах он денег бы им не дал.

– Идите уже, идите, – с кислой миной на лице махал ему фон Беренштайн, желая закончить этот неприятный для всех разговор.

Кавалер в который раз поклонился.

Глава

Ужин для офицеров маршал фон Бок дал такой, что капитану Рохе не хватило мяса. Пока он усаживался, пока мостился со своей деревяшкой, так с блюда, что стояло перед ним, все куски жареной свинины разобрали. Волков и Брюнхвальд посмеялись над Рохой, когда тот искал вилкой, что бы ему наколоть среди мясных остатков на подносе. И с другой едой, с вином было почти также, единственное, чего было в изобилии, так это пива и хлеба. Пива было много, хоть упейся. Оно ж недорогое.

Смеялись. А смех-то был невесёлый. Волков рассказал своим офицерам о разговоре с маршалом и генералом. И Брюнхвальд сказал:

– Дайте мне контракт, кавалер, я почитаю и подгоню всё так, что комар носа не подточит. Не к чему им будет прицепиться.

Волков соглашался и кивал. Да, Карл был педантичный и скрупулёзный человек. Настоящий капитан-лейтенант. Раз он говорил, что всё будет соответствовать контракту, значит так оно и будет. А вот Роха глядел на всё иначе:

– Дело дрянь, – говорил он с многозначительным видом, – невзлюбили, значит, нас отцы-командиры. Теперь хлебнём мы юшки.

– Чего ты? – спрашивал его Волков.

– Коли пойдём в атаку, так поставят нас в центр. А коли будем стоять в обороне, так фон Бок поставит нас на самый опасный фланг, а может и вовсе под пушки, – пояснял Скарафаджо.

– А вы бы куда хотели, капитан? – интересовался у него Брюнхвальд.

– В резерв, – сообщил Роха со смехом.

– Стрелкам в резерве не бывать, – напомнил ему капитан-лейтенант.

Впрочем, хоть и плох, скуден был ужин у жадного маршала, но зато за пивом они потихоньку перезнакомились со всеми офицерами. Особенно хорошо стало всем,

когда сам фон Бок, извинившись, отправился спать. Тут уже стали господа вставать из-за стола, подходить разговаривать. Узнавать, где и с кем служили, под чьими знамёнами бывали. Так до самой ночи и проговорили за пивом.

Утром, ещё до рассвета, кавалер со всеми своими людьми уехал из Нойнсбурга. Готовиться, чтобы к первому мая сюда вернуться и привести с собой всех нанятых людей в полной для похода готовности, и чтобы всё было согласно контракту. И ехал он, ни о чём не жалея, чёрт с ним, с фон Боком и его неудовольствием. И мужиков он не боялся ни секунды, с их загадочным командиром и его железной рукой. Главное, что дело это ему даст большую передышку в деньгах.

Да, золото было главным. Шестьсот золотых монет, что он рассчитывал получить с дела чистыми, перевешивали всё остальное.

И снова в Ланн он не заехал, надо было бы проверить, как живёт Агнес, да некогда ему было. Торопился он домой. Там в его доме всякое могло без него случиться. Всякое. Вот не верил он в благоразумие госпожи Ланге. А уже от Элеоноры Августы или от Брунхильды благоразумием так и вовсе не пахло. Всегда от них лишь вздорностью, ретивостью да капризностью пахло. Поэтому он и торопился. Боялся, что эти дуры в глупых своих раздорах ещё «племянника» ему не сберегут.

Но всё было слава Богу. Когда уезжал он, Бригитт провожала его с лицом недовольным, а тут выбежала на порог радостная, кланялась ему, щебетала что-то.

У Элеоноры Августы заметно попрос живот, а вот графиня так стала в боках тоньше, платья стала носить по фигуре и к ней снова стала возвращаться её стать, что сводила с ума мужчин.

Заметно похорошела Брунхильда за десять дней, что его не было. Когда он пришёл увидеть дитя, Брунхильда встала рядом.

– И как съездили? – сразу спросила она тоном, что никак не назовёшь добрым.

– Слава Богу, – отвечал кавалер, бережно беря ребёнка на руки.

– Что, воевать будете?

– А что ж делать, другого ремесла не знаю.

– А поместье для меня и для племянника когда будете добывать?

– Буду, буду, – обещал он, не отрывая глаз от младенца. – Сейчас немного с солдатами разберусь и поеду поговорить с епископом, может, он что посоветует.

– С солдатами разберётесь? – она вдруг вырвала у него младенца. – Я тут живу с этими двумя гарпиями, да ещё с этой монашкой кисломордой, что поучает меня вечно. Живу хуже, чем при старом муже в Маленсдорфе, а он будет ждать да с солдатами разбираться.

– Угомонись ты, сказал же займусь, а пока, может, дом тебе построю, отдельный.

– Дом? – воскликнула Брунхильда. – Да у меня есть дом, с двумя десятками слуг в моём поместье.

Она стала укладывать младенца в люльку.

– Чего ты бесишься? Сказал же, построю дом.

– Не надо мне дома, мне нужно моё поместье, – отвечала графиня вся, пылая от злости.

И была она так красива в это мгновение, что Волков схватил её за плечи крепко, так, чтобы не вырвалась, и полез было целовать в губы. Да не захотела она, отворачивалась, шипела змеёй:

– Не хочу я вас, подите прочь!

Да куда там, повалил он её на кровать.

– Оставьте меня, не позволяю я...

Но кавалер уже задирает подол, сгибал ей ноги, брал её с удовольствием, наслаждаясь её красивым телом.

После он лежал на кровати и смотрел, как она, подобрав юбки, шарфом вытирала у себя промеж ног и говорила ему уже без всякой злости:

– Деньги мне нужны. Уеду я.

– Сказал же тебе, дом построю. Хочешь, у реки построю. Там красивые места есть, а поместье добуду, так туда переедешь.

– Нет, – отвечала она, бросая шарф на пол и оправляя платье. – Жить тут я не буду. Иначе грех на душу возьму, шалаву вашу рыжую прибую. Да и вам некогда мне имение добывать, всё войны у вас, да войны. Я сама добуду.

– Как? Кто тебе поможет?

Она встала в полный рост, подбоченилась, поглядела него высокомерно, да ещё ухмыльнулась:

– Да уж найдётся, кто.

– Да кто же? – от её глупого поведения он даже раздражаться стал, сел на кровати.

– К герцогу поеду, – всё с той же высокомерной ухмылкой отвечала она.

Красавица снова задрала юбки, стала поправлять чулки. И всё с тем же самоуверенным видом.

– К герцогу? К курфюрсту Ребенрее? – не верил он.

– К нему, – она подтянула чулки и села к зеркалу причёсываться, а то этот солдафон своей грубой лаской всю причёску ей испортил, – а что же думаете, не

примет родственницу герцог?

- Думаю, что нет, - отвечал кавалер.

- А помните, вы мне флакончик с зельем давали и говорили, чтобы я на герцоге его при случае испробовала?

Да, Волков припоминал тот флакончик, что давал ей, и тот разговор.

- Так я дважды зельем мазалась, как к герцогу ездила. И всякий раз с ним танцевала, он сам меня в пару выбирал. А в последний раз, что он меня видел, так за лобок меня хватал, за зад, в шею меня целовал и говорил, что при его дворе таких красавиц нет больше, - с вызовом и даже с насмешкой рассказывала графиня.

«Врёт, мерзавка!»

- Да где же это было? - не верил кавалер.

- На балу в Маленберге. Он нас туда с мужем приглашал. А как я по нужде пошла, так он меня в коридоре и остановил поговорить. А сам стал подол мне задирать, пока в темноте мы были.

Нет, она не врала, она вспоминала, как это было.

- Я уж хотела ему дать, да побоялась, уже беременна тогда была. А он умолял меня чаще при дворе бывать.

Волков сидел на кровати и молчал. И не знал, что делать. Радоваться или грустить.

- Так дадите мне денег? - продолжала красавица, глядя на него через зеркало. - Дадите - так поеду к герцогу, у меня ещё осталась пару капель зелья ведьмищи, я и про поместье дело решу, и за вас поговорю.

Она говорила это с удивительной уверенностью, словно уже всё решено у неё было с герцогом. Неужто так она в свою власть над ним верила? А Волков всё

молчал.

- Хоть талеров сто дайте, до Вильбурга доехать, а там уж я сама.

- Сына тут оставь, - холодно сказал он ей.

- Вот уж нет, - вдруг встрепенулась и стала серьёзной графиня, - сын со мной поедет.

- Мешать будет. Тебе не до него там будет. Балы, охоты да обеды.

- Сын со мной поедет, - твёрдо повторила Брунхильда, так твёрдо, что понял он: спорить с ней бесполезно.

- Зачем он тебе? - спросил он с последней надеждой.

- Затем, что нет у меня на этом свете больше никого, кроме сына моего, поэтому будет он всегда при мне, - со злостью отвечала графиня, глядя рыцарю прямо в глаза.

Волков встал с постели и пошёл к двери, кинув напоследок:

- Будут тебе деньги! Катись, куда хочешь, дура.

Когда он спустился, то в зале его, конечно, встретила госпожа Ланге. И вид её опять был холоден. Как до отъезда.

- Отчего вы так кислы, Бригитт? - Волков тоже был в дурном расположении.

- Вы опять были у графини? - спросила Бригитт так, словно это её мало заботило.

- Был, и готов сообщить вам радостную новость.

- Какую же?

- Графиня нас покидает.

- Правда? - Бригитт старалась делать вид, что не радуется, но это у неё не очень выходило.

- Правда.

- И куда же она уезжает? - интересовалась рыжая красавица.

- Ко двору герцога.

Бригитт тут даже засмеялась.

- Отчего вы смеётесь? - удивлялся кавалер.

- Думаю, что ей там будет в самый раз, среди беглых жён, вдов и прочих потаскух, что приживаются при дворе нашего сеньора. Да, там самое ей и место.

Довольно улыбаясь и шурша юбками, госпожа Ланге пошла на кухню, оставив кавалера одного.

Глава 5

Пришёл Сыч и сказал, что кузнец прислал весточку, говорит, что конюх из замка Балль желает встретиться.

- Давай его сюда. Пусть приезжает.

- Вы тоже с ним хотите поговорить или мне самому всё выяснить? - спросил Сыч.

Хоть и было у него дел невпроворот, ведь каждый день в лагерь приходили новые солдаты, каждый день к нему из-за реки приезжали купцы говорить о векселях и расписках, но вопрос о деле кавалера Рёдля и барона фон Деница не давал ему покоя:

– Да, сам хочу послушать. Но к ним не поеду.

– Скажу тогда, чтобы конюх сюда к нам ехал.

Волков огласился.

В этот же день графиня Брунхильда фон Мален собралась отъезжать. Забрала при этом у Волкова дворового мужика в конюхи и дворовую бабу в кормилицы. Ещё сто талеров. Была она сначала зла, а потом и прослезилась, прощаясь, – так Волкова стала целовать и обнимать крепко. Наверное, назло госпоже Ланге, которая была тут же. Он опять пытался отговорить её брать с собой сына, но графиня, упрямством редкая, слушать ничего не желала. От этого кавалер стал на неё злиться, и последнее прощание вышло у них холодным.

Но как карета скрылась из виду, он подумал и решил, что всё графиня делает правильно. И что к герцогу правды искать поехала, и что сына взяла с собой. Несчастливая вдова с ребёнком, что родственниками притесняема, могла ведь герцога уговорить дело разрешить нужным для себя способом. Конечно, могла, коли она так хороша собой, да ещё и пару капель приворотного зелья при себе имеет. А могла и за «братца» слово замолвить, чем чёрт не шутит.

В общем, всё складывалось ему на пользу. И дом строить для графини нет уже нужды, и в его доме, под его крышей, бури улеглись. Госпожа Ланге, тоже глядя вслед выезжающей со двора карете, заметила язвительно:

– И слава Богу, авось при её распутстве при дворе герцога она точно приживётся. Там таких любят.

– Она не распутнее прочих, – холодно заметил кавалер, которого отчего-то раздражали подобные слова про графиню.

– Разумеется, мой господин, извините мою женскую глупость, графиня для всех нас образец целомудрия, – сказала Бригитт голосом, в котором не было и намёка на раскаяние, сделала ему книксен и пошла в дом.

«Дрянь. Злая, упрямая, дерзкая дрянь».

Конюх барона фон Деница был человек дородный, крупный и, видно, не бедный. Звали его Вунхель. В Эшбахт приехал он на крепком возке, чтобы поговорить с купцом-коннозаводчиком Ламме о конях. И был немало удивлён, когда увидел Сыча и Ежа в трактире. Ни тот, ни другой вовсе не были похожи на коннозаводчиков. А похожи были и вовсе на людей опасных, может даже и на разбойников. Конюх немного успокоился, когда пришёл Волков. Они уселись за лучший в кабаке столик, пиво им приносил трактирщик лично.

- Значит, ты конюхом состоишь при замке? Вунхелем тебя кличут?

- Именно, господин, - с уважением говорил Вунхель, отхлёбывая пиво. - Состою конюхом при бароне фон Денице, зовут меня Вунхелем.

- А скажи мне, конюх Вунхель, что там у вас с бароном?

- А что с бароном? - явно не понял вопроса конюх.

- Болеет, выздоровел?

- Господа хорошие, а что же мы, про коней говорить не будем? Я сюда полдня ехал, чтобы про коняшек поговорить, у меня есть кобылки добрые, может, у вас есть жеребцы, может, вы скрестить желаете? А уж как жеребят делить, так договоримся, - заговорил Вунхель как-то отстранённо, глядя в кружку с пивом.

- Слышь, дядя, - Сыч положил свою крепкую руку на руку Вунхеля, - про коняшек мы потом поговорим с тобою. А сейчас отвечай, пока тебя по добру спрашивают. Говори, что с бароном вашим?

- А что с ним? Ничего с ним, - отвечал конюх всё ещё неохотно. Видно, на эту тему ему говорить совсем не хотелось.

- Болен барон? Здоров? Может, помер? - предлагал варианты кавалер.

- Чего ему помирать-то? - удивлялся конюх. - Молод да здоров, крепок как бык.

- Он же ранен был на войне, когда Рёдль погиб, - напомнил кавалер.

– О! – Вунхель махнул рукой. – Так то когда было, уже давно выздоровел наш барон, да и не болел он, пришёл после той войны...

Тут он замолчал, понял, что болтает лишнее. Стал коситься на Сыча.

– Ну, дядя, уж начал так заканчивай, – Сыч пихнул его в рёбра локтем.

– Люди добрые, а зачем оно вам? – начал киснуть конюх.

– Надо, значит, – оборвал его Сыч, – раз спрашиваем, значит надо.

– Ну, вам-то оно может и надо, а мне-то оно к чему, все такие неприятные разговоры? Господа ой как не любят, когда слуги про них с другими господами говорят.

Фриц Ламме молча достал талер, подкинул его со звоном ногтем большого пальца. Талер упал на стол, завертелся, а Сыч прихлопнул его рукой:

– Ну, говори, был ли ранен барон, когда пришёл с войны?

– Может и был, мне о том не известно, знаю, что коня своего отличного он угробил, пешком пришёл.

– Не мог он не болеть, – упрямо сказал кавалер. – Как он с болтом в башке сам ходил? И не помогал ему никто?

– Добрый господин, да про то мне не известно, – Вунхель даже руки сложил, как в молитве. – Говорю же, знаю, что без коня он был, и всё. Вернулся без коня.

– Доктор в замке был?

– Когда?

– Да всё последнее время, – уже начинал злиться кавалер. – Последний месяц в замке доктор какой-нибудь жил?

– Коли приехал доктор на коне, на муле или на мерине, да пусть даже на осле, я бы про то знал, – заговорил конюх. – Всяк свою скотину он у меня в конюшне ставил бы, но никаких коней новых за последний месяц в замке не появлялось. Разве что доктор пешком пришёл или привёз его кто.

– А барон, значит, не хвор? – уточнил Сыч.

– Да вот как вы, к примеру, такой же хворый. Два дня назад с господами рыцарями на охоту ездили, кабанов привезли. Каждый день куда-нибудь ездит, дома-то не сидит.

– А дядя барона, господин Верлингер, что в замке делает?

– Живёт да хозяйничает. Недавно приехал и вроде как управляющим при бароне остался.

Волков уже не знал, что и спросить. Всё, всё было не так, как он думал раньше. Всё было странным. Или конюх врал?

– А ты барона видел в последний раз близко?

– Да как вас, господин. Прибежал Клаус – мальчишка, что при бароне посыльный. Велел шустрых коней седлать к охоте и любимого коня господина, на котором он на охоту ездит. Я со своими помощниками оседлал, кого сказано было, псари собак во двор вывели, барон сразу с господами рыцарями и вышел. Сел да поехал. Вечером приехали, кабанов привезли. Я у господина коня забрал. Он сказал, что конь припадать стал на левую заднюю. Я посмотрел, так и есть: подкова треснула.

– На лице у него должна рана свежая быть, – произнёс Волков.

– Я его лица сильно не разглядывал, господин.

– Разглядывал, не разглядывал, там рана такая, что её издали должно быть видно, не могла она так быстро зажить, – уже злился кавалер. – На лице, ему в лицо болт попал, так быстро такие раны не зарастают. И вообще до конца не зарастают, шрам на всю жизнь остаться должен.

– Уж простите господин, не видал я никакой раны у господина, уж извините, не приглядывался, – отвечал конюх.

Волков сидел, молча ерошил на темени волосы пятернёй, думал, думал и всё равно ничего не понимал. Потом молча встал и пошёл из кабака прочь.

Доехал до дома, где жили молодые господа, там встретил Максимилиана и спросил у него сразу:

– Вы видели, как был ранен барон?

– Нет, кавалер, я же при отце был на холме с пехотой, а вот Гренер как раз был при атаке рыцарей, сам вторым рядом ехал, хвастался о том. Позвать его, он как раз только что вернулся?

Нет, звать он его не стал, сам пошёл в дом, в котором жил его выезд. Давно он тут не был. Дом стал настоящим логовом молодых мужчин. Прямо у порога в беспорядке брошены сёдла. Уздечки путаные висят на гвоздях. Сёдла дорогие – видно, это сёдла молодых Фейлингов. Тут же кирасы у стены стоят. На лавке шлемы, подшлемники в беспорядке валяются. Потники. Стёганки. Оружие брошенное. Ни в чём порядка нет. За длинным столом беззубая девка сидит с одним из послуживцев Фейлингов, из общей миски с ним похлёбку ест. Сидит на лавке, подобрал подол, поджав ноги под себя, так что подвязки чулок на коленях видны. Сразу видно, шалаву из кабака притащили. Ещё одна девка, из местных, расхристанная, с непокрытой головой и голыми руками, полы метет.

Тут же в конце стола сидит брат Ипполит за книгой. Вскочил, кланялся. И ничего, девки распутные с задранными подолами его не смущают. Монах, праведный человек, называется.

Все вслед за монахом встали вставать и кланяться ему. Кланялась и девка.

– А ты здесь откуда? – грозно спросил у неё Волков.

– Пустили меня, – пискнула девка, пугаясь.

– Отец Семион пускает гулящих пожить, – пояснил Максимилиан, – господа не против. Так вроде и веселее.

– А плату отец Семион какую с них берет за постой? – поинтересовался кавалер.

– То мне не ведомо, – заявил знаменосец.

Волков видел, что он явно врёт. Все знали, что отец Семион человек распутный, известно, какую плату он брал с гулящих девок.

– У вас что, и местные девки тут живут? – всё так же строго спрашивал Волков.

Та девка, что мела пол, окаменела, застыла с испуганным лицом. Она точно была местной.

– Всякое бывает, – нейтрально отвечал Максимилиан.

– Хотите, чтобы мужики за вилы взялись?

А юноша и отвечал ему весьма вразумительно:

– Кавалер, так силком их сюда никто не тащит. Сами приходят. У крыльца по вечеру собираются.

– Прямо так и сами?

– Да, любую за десять крейцеров на всю ночь взять можно.

Волков подумал, посчитал, что ловкая да пригожая девка за три недели денег тут зарабатывает больше, чем её крепостной отец за три месяца, и решил, что сие возможно, что, может, и сами девки сюда ходят.

– Ладно, Гренер где? – спросил кавалер, садясь на край длинной лавки у стола.

– Спит, сейчас позову, – отвечал Максимилиан.

Карл Гренер был в исподнем и заспан.

– Что это вы спите днём? – спросил у него Волков.

– Утром только приехал из Малена, там помогал отцу по приказу вашему нанимать кавалеристов, – отвечал Гренер.

– Желаящие есть?

– Весьма много. Как узнают, что вы даёте пятнадцать талеров в месяц, так многие хотят идти, и знатные тоже. И рыцари. И с послуживцами некоторые приходили.

– Хороший народ идёт?

– Очень, и кони хороши, и доспех хорош. Но отец не всех берет, как вы и наказывали, сильно знатным отказывает, а всем другим говорит, что будет требовать повиновения. И наказывать заслушание вплоть до виселицы. Говорит, что вы суровы и знатных будете вешать так же, как и незнатных. Но всё равно многие просятся.

Тут Волков понял, что дал маху. Кажется, он предложил лишних денег. Это в былые времена, когда войны полыхали вокруг во множестве, за пятнадцать талеров не всякий кавалерист бы нанялся.

А сейчас, во времена затишья, пятнадцать серебряных монет были, видно, деньгами большими.

– Ладно, я о другом вас хотел спросить. Вы видели, как ранили барона?

– Фон Деница? У холмов? – уточнил молодой Гренер.

– Да, там.

– Нет, кавалер. Именно этого я не видел. Я был почти за ним, во второй линии, когда мы пошли на арбалетчиков. А потом, как мы их разогнали, так я по кустам за одним из них гонялся, забить его хотел, а как вернулся, мне уже сказали, что

барона ранили.

– Вы болван, Гренер, – сказал Волков строго. – Глупее вещей я и не слышал, чтобы кавалерист за арбалетчиком по кустам гонялся.

– Излишне увлёкся атакой, кавалер. Забыл вернуться, не слышал приказа.

– Сила кавалерии в строю и едином ударе, в преследовании бегущего врага. А гоняться по кустам за арбалетчиками для кавалериста – верная смерть. Ваше счастье, что он там был один, без товарища. Приказы нужно слушать.

Молодой человек молча поклонился. А Волков подумал, что обязательно нужно нанять для похода хороших трубачей; кавалеристы барабанщиков не слышат, да и не слушают никогда. Барабаны – это для пехоты.

– Значит, вы не видели, как был ранен барон? – повторил он задумчиво.

Гренер помотал головой, а вот послуживец братьев Фейлингов, что ел похлёбку с беззубой девкой, вдруг сказал:

– Кавалер, то я видел.

– Говорите, – заинтересовался кавалер, поворачиваясь к нему.

Кавалерист быстро поклонился и начал:

– Мы как разогнали арбалетчиков, так половина из них убежала к кустам, а другая половина побежала к своей пехотной колонне, и стали они оттуда кидать болты по нам. А барон закричал, чтобы мы снова строились под его правую руку в три ряда. Хотел наехать горцам на фланг колонны, а господина Гренера-старшего не было. Вот он и командовал. И чтобы его лучше было слышно, открыл забрало.

– Вы видели, как в него попал болт?

– Я... Нет, не видел, как попал... Я был во втором ряду, через два ряда от него, видел, как он схватился за лицо и стал клониться к луке. Два кавалера сразу

встали по бокам от него, схватили под руки и стали вывозить его с поля, вот тут я и увидел, что у него вся левая перчатка в крови, а из-под левого глаза торчит конец болта.

Волков поморщился, представив на себе, как арбалетный болт с большой палец толщиной с хрустом и скрежетом входит в скулу, в череп. И уходит в глубину твоей головы почти что до затылка, до выхода из шеи. Ему, конечно, неоднократно доставалось от братьев-арбалетчиков, но чтобы вот так вот... Нет.

«Да хранит меня Господь, уж лучше в лоб».

- Значит, барон точно был ранен? - ещё раз переспросил он кавалериста.

- Точнее не бывает, кавалер, - отвечал кавалерист.

Волков молча встал и пошёл к дверям. И там, вспомнив, оборотился:

- Гренер, скачите-ка к отцу.

- К отцу? - спросил молодой Гренер удивлённо.

- Да, и скажите, что пятидесяти кавалеристов мне хватит, чтобы больше не нанимал.

- Пятидесяти хватит? А когда скакать, сейчас?

Он подумал, что деньги нужно экономить. Уж больно дорого обходились ему эти кавалеристы. Их и пятидесяти будет довольно.

- Немедля, - ответил Волков и вышел из дома, где жили господа из его выезда и блудные девицы вместе с попами и монахами.

Весна в этих местах приходила сразу. Вот только, кажется, ещё вчера ночью вода замерзала в лужах, а тут за два дня и тёплый ветер с юго-востока последний лёд растопил, и снега больше нет, даже в оврагах не лежит. В первую ночь туман появился, а в следующую так и вовсе ливень прошёл. Всё, зиме конец. Дороги раскисли так, что только верхом ездить можно. Шубы скоро можно будет прятать в сундуки.

А по утрам из Малены от епископа пришло письмо. Беспокоился он, что господин фон Эдель который день живёт в городе, встречается со всеми знатными горожанами и ходит даже на собрания совета.

«Чёртов холуй графа».

Да и Бог бы с ним, но он всё интригует и интригует против Волкова. Говорит, что, дескать, городу не нужен такой беспокойный сосед, что погряз в бесконечной войне, которая ещё славному городу отольётся неприятностями. Фон Эдель убеждал людей, чтобы с фон Эшбахтом дел не вели и даже ворота ему не открывали, иначе горцы будут думать, что горожане с кавалером заодно.

«Хитёр мерзавец, знает, что говорить».

И даже просил слова на совете и убеждал советников не строить дорогу до границы с Эшбахтом. Слава Богу, что совет его не послушался, и советники всё больше склоняются к одобрению строительства.

«Конечно, уголь мой в городе увидели, поняли, что я построил пристань, и уже думают, что от меня, с моей пристани, будут плавать по всей реке со своими товарами. Никакой фон Эдель купчишек не остановит, когда те почуяли прибыли».

А в конце письма отец Теодор писал, что кавалеру лучше почаще навещать город, чтобы людишки здешние его не забывали.

И «чтобы был он ко всякому готов и держал себя во всеоружии, ибо нет такой другой семьи как Малены, что так сильны во всяческих кознях и хитростях».

Волков бросил письмо на стол и задумался. Дорогу горожане, наверное, построят, но всё равно дело было неприятное. Граф принялся действовать, поместье по-доброму он не отдаст. А ещё было плохо то, что бургомистр ему об этом ничего не написал. Волков хотел бы и от него что-то услышать. Молчал, хитрец, хотя не было сомнений, что про дела фон Эделя в городе первый консул знал.

Он уже стал собираться за реку в лагерь, там Брюнхвальд покупал новые телеги за векселя и, чтобы лучше дело шло, ему надобно быть там же. А тут пришёл Максимилиан и сказал:

– Кузнец к вам, кавалер.

– Кузнец? Это тот, что из владений барона? Как его там...

– Волинг, кавалер.

– Да. И чего ему нужно?

– Не знаю, приехал на телеге со скарбом.

– Что? Зачем? – Волков встал и пошёл на двор. К чему бессмысленно спрашивать у знаменосца, когда нужно спрашивать у кузнеца.

Кузнец приехал не только со скарбом, он приехал с семьёй. Дети, бабы. Старуха – видно, мать, на телеге сидела.

Все кланялись кавалеру, когда он вышел со двора на улицу.

– Ну, что случилось? – спросил господин фон Эшбахт у кузнеца, когда тот приблизился и поклонился.

– Господин, снова я прошу дозволения у вас поставить кузню, – сразу начал кузнец. – И кузню, и дом.

– Ты уже, я вижу, и скарб привёз. И семью.

- Привёз, господин, всё привёз, так как дома у меня больше нет.

Волков молчит непонимающе, ждёт продолжения.

- Сгорел мой дом, господин. Сожгли.

- Кто? – первым делом спросил кавалер.

- Не знаю, пришли ночью. Сын говорит, что конные были, говорит, что слышал ржание.

- Надо следы вокруг дома посмотреть было. Если конные, так у них сапоги с каблуками, должны следы остаться на земле, – произнёс Волков.

- И я так думал, господин, так ведь ливень начался под утро. Никаких следов не осталось.

- Ах, да. У вас там тоже, значит, дождь был?

- Был, господин, сильный был, из-за дождя-то и живы остались, дом и кузню с двух концов подпаливали.

Кавалер задумался. Если купец не врал и не ошибался, то дело с ранением барона и смертью кавалера Рёдля становилось ещё более странным.

- Господин, что же мне делать-то, скажите уже, – просил Волинг. – Мне у вас начать можно будет или ещё куда податься, там я всё одно уже не останусь.

- А сам-то думаешь, кто твой дом подпалил? – спросил Волков, словно не слыша его вопроса.

- Они, – коротко ответил кузнец.

- Они? Кто они?

Кузнец молчал. Он явно боялся говорить.

- Ну, чего ты на меня таращишься? Кто они-то?

- Думаю, то были господа рыцари, выезд барона, - наконец ответил кузнец.

Кавалер засмеялся:

- Зачем им тебя палить ночью? Пожелай они, так и днём твою кузню подпалили бы, а тебя самого на твоих же воротах повесили. Нет, то не люди барона были.

- А кто же? - удивился Волинг.

- А мне почём знать, может, у тебя враги какие есть.

- Да какие же у меня враги? - кузнец разводил руками.

- Не знаю, не знаю... - скорее всего кузнец и вправду не знал ничего, да и кавалеру нужно всё это было обдумать. - Ладно. Значит, ты у меня тут прижиться хочешь?

- Да, разрешите уже поставить кузнецу и дом у вас тут.

- Тут в Эшбахте хочешь кузницу поставить?

- Или у реки, у пристани, подумаю пока. Я готов тридцать талеров в год вам за разрешение платить.

- Э, нет, друг мой дорогой, так не пойдёт, - Волков погрозил кузнецу пальцем.

- А чего, я барону так и платил, - сказал Волинг.

- Барону? У барона там захолустье, дорога только на юг, к Фезенклеверу, шла, а у меня через пристань телеги поедут в город. Кабак купчишками вечно набит. Ты тут озолотишься. Так что забудь про тридцать монет в год.

- А сколько же денег вам надо?

– Денег мне надо много, но с тебя пока буду брать три талера в месяц, пока не обживёшься, да работать не начнёшь, а там пересмотрю.

– Ну, ладно, раз так, – на удивление быстро согласился кузнец, видно и сам выгоду видел. – Тогда начну завтра сюда наковальни да инструменты перевозить.

А господин задумчиво пошёл к себе в дом. И когда увидел Максимилиана на кухне, который болтал с Марией, сказал:

– Седлайте мне коня, хочу Сыча найти.

Чего его искать, он известно, где ошивался. Кабак его домом был. Трактирщик его уважал и водил с ним дружбу, они с Ежом и харчевались там почти задарма. До кабака от дома кавалера было недалеко, но хромать по лужам да по скользкой глине ему не хотелось, вот и велел седлать коней.

– Ты знаешь, что кузнеца ночью подпалили? – сразу начал Волков, садясь к приятелям за стол.

– Ишь ты! Нет, не знал, экселенц.

– Теперь он сюда, к нам переезжает.

– Так это ж хорошо?

– Хорошо-то, хорошо, но кто его мог сжечь?

Фриц Ламме и Ёж переглянулись, и Фриц сказал:

– А вот подумалось мне, что наш приятель-конюх мог осерчать немного на кузнеца.

– Конюх Вунхель? – спросил Волков удивляясь, что сам об этом не подумал. – А с чего ему кузнеца жечь? Чего ему на кузнеца злиться?

Тут Фриц Ламме и его приятель опять переглянулись. И морды у них были такие, что Волкова осенило:

– Ты что же, мерзавец, конюху талер посулил, на стол его перед ним положил и не отдал?

– Экселенц, да он так спесив был... Корчил тут из себя... – начал было Сыч.

Но тут кавалер схватил его за загривок, за ухо, за шкуру на шее, за жирные волосы своею тяжёлой рукой, схватил крепко, зло и встряхнул подлеца. И зарычал:

– Болван, жадный дурак! Выиграл талер, большая прибыль тебе? А мне нужен был человек в замке! Человек мне нужен был в замке барона!

– Так чего, экселенц, – оправдывался Сыч, кривясь от боли, – зато кузнец у нас теперь свой есть.

– Он и так бы у меня был, – отвечал кавалер и с размаху отвесил Сычу тяжеленную оплеуху, такую, что шапка улетела на пол с глупой головы Сыча, а самого его мотнуло немилосердно.

Ёж сидел рядом с Сычом со стеклянными глазами, как будто он тут не при чём совсем. Народец в кабаке притих испуганно, только Максимилиан стоял да смеялся за спиной кавалера.

Волков вытер руку, уж больно сальны были волосы Фрица Ламме, встал:

– Шубу почисть, болван.

И пошёл прочь из кабака.

– Обязательно почищу, экселенц, – кричал Сыч ему вслед.

– Эх, Фриц, Фриц, доведут тебя твоя жадность и хитрость до беды когда-нибудь. – всё ещё смеясь говорил Максимилиан, поворачиваясь и уходя следом за кавалером.

– Да, ладно, иди уже! – кричал ему Сыч, почёсывая щёку и шею, поднимая шапку с пола и надевая её. – Ходят тут, учат ещё...

Закончив с Сычом, поехал за реку в лагерь, где уверял нескольких собравшихся купцов, что к маю все векселя свои оплатит. Карл Брюнхвальд тоже обещал, как умел, но обещать он мог плохо. Из него вообще купец был так себе. И купец Гевельдас тоже уговаривал собратьев торговать. Этот был много лучше Брюнхвальда, собратья купцы ему верили. В общем, двадцать шесть больших обозных телег с полотняным верхом и с колёсами, обитыми железом, одиннадцать бочек солонины, сто пятьдесят пудов муки ржаной и пшеничной и две большие бочки свиного жира купцы ему обещали поставить в течении недели, соглашаясь принимать его расписки и векселя.

После, хоть и устал он и день пошёл к обеду, дома кавалер не остался. Собрался и поехал в Мален. Епископ был прав, ему нужно было чаще появляться в городе, не то такие ловкачи, как фон Эдель расстроят его отношения с горожанами. Этот старый пёс графа был умён, на многое был способен.

С собою взял он Увальня, Максимилиана, фон Клаузевица и братьев Фейлингов, который сами напросились. Хотели дома побыть хоть ночь.

Вспоминая предостережения отца Теодора, Волков подумал, подумал, да и решил надеть свой синий колет с подшитой кольчужкой. И перчатки с кольчужгой. Взял свой пистолет. Бережёного, как говорится, Бог бережёт.

«Если епископ говорит, так слушай его – дурного да глупого он ещё ни разу не посоветовал».

Также, велел все людям своим хоть как-то защититься и взять всякое иное оружие, кроме их новомодных мечей для костюмов, больше похожих на зубочистки.

Фон Клаузевиц был небогат, и недавно Волков подарил ему отличную бригантину ламбрийской работы. Он её и надел. Братья Фейлинги тоже красовались в бригантинах, Максимилиан же поддел под колет красивую кольчужку, которую ему давно подарил Волков. А Александр Гроссшвюлле,

недолго думая, натянул свою огромную стёганку, а поверх неё ещё и свою кирасу. И раз уж сеньор велел вооружиться, и шлем с подшлемником нацепил. А ещё взял свою алебарду. Чего уж там мелочиться. Так и поехал, несмотря на шуточки молодых товарищей.

Дороги развезло так, что даже верхом ехали долго. Едва-едва успели в город до закрытия ворот.

Фейлинги уехали к себе, а Волков даже уже и не знал, куда ему поехать. Можно было и у епископа остановиться, и нового родственника можно было визитом порадовать. Купец Кёршнер был бы, конечно, рад ему. Но поехал он к племяннице. Купец Кёршнер дома хорошего для своего сына и его молодой жены в городе не нашёл, поэтому купил несколько домишек, что стояли вместе на хорошей улице. Купил, денег не пожалев, да снёс их к дьяволу, а на месте, что освободилось, стал строить хороший дом, из тех, у которых бывают широкие дворы с колодцами, и конюшни, и даже сады. А пока такой дом построен не был, молодые снимали за дорого небольшой, но уютный дом.

Урсула Кёршнер и её муж, хоть и было уже темно, не спали, и встречали кавалера и его людей с большим почтением.

Урсула совсем другая после свадьбы стала. Была серьёзна, делала ему книксен, говорила такие фразы, которые в устах её казались странными:

– Велю вам камин топить сейчас же, ночи ещё не теплы. Вы мыться любите, так велю ещё и воду подать горячую, а для ноги вашей больной в постель велю грелки класть.

Молодец, она всё помнила и знала, что ему нужно. Странно это было, странно, словно тринадцатилетняя девочка играла во взрослую женщину, хозяйку большого дома с полудюжиной слуг.

Впрочем, она уже и была хозяйкой дома, а может вскорости, когда ей и пятнадцати ещё не исполнится, так будет уже не только хозяйкой дома, но и матерью семейства.

Он подошёл и, пока она ещё что-то пыталась сказать, прижал её голову к своей груди. Крепко прижал и погладил по волосам, а потом, отпустив, спросил:

– Ну, как поживаешь, моя дорогая?

– А вы знаете, дядя, хорошо, – отвечала она. – Хорошо поживаю, муж мой в своём ребячестве бывает часто глуп, но он человек хороший и добрый, я рада, что вы нашли мне такого мужа. Да и мама у нас бывает часто, и тесть со свекровью тоже, и братья Людвиг Вольфганга бывают, и нас в гости часто зовут, так что живу я хорошо. Весело.

Кавалер засмеялся и посмотрел на её мужа, что стоял тут же. Людвиг Вольфганг Кёршнер улыбался и, кажется, совсем не злился на жену за то, что она называла его глупым. Волков протянул ему руку для рукопожатия. Молодой человек пожал её с большим почтением.

– Ну, а что у вас на ужин сегодня? А то я и пообедать не успел нынче.

– Я уже велела накрывать, прошу вас и ваших сопровождающих к столу, – говорила юная и радушная хозяйка дома.

Глава 7

Дел в городе оказалось у него много. Поутру, ещё до рассвета, не позавтракав, кавалер поехал к епископу, чтобы успеть поговорить с ним до начала службы в храме. Отца Теодора он встретил на пороге его дома. Старик всё ещё вел утренние службы сам, несмотря на возраст, и он уже спешил на службу, но по дороге они успели переговорить. Старый поп ещё раз повторил всё то, что уже писал в письме, но особенно напирал на распрю с графом:

– Уж не думайте, что Малены отступятся, – они медленно шли по ещё тёмным улицам к кафедральному собору, где у епископа должна была быть служба. – Их фамилия всегда была упряма и в средствах неразборчива. И вообще... Я думаю, что лучше бы вам отказаться от вдовьего надела графини. И сделать сие публично.

«Отказаться? Да ещё публично? Признать перед всеми своё поражение?»

– Нет, сие невозможно. Я обещал графине добыть ей поместье, – твёрдо сказал рыцарь. – Не захотят отдать добром, так силой заставлю.

– Силой? – епископ даже остановился. – Да не всё же можно решить силой!

– Не всё, но этот раздор можно. Приведу людей, возьму его замок и заставлю признать, что поместье принадлежит графине.

– Имейте в виду – наживёте себе вечного и кровного врага, такого унижения фамилия вам не простит, да ещё и герцог всегда будет на стороне родственников. И знать местная вся тоже, для неё вы вовеки будете чужим. Так и будете жить, лишь на меч опираясь.

– Я всю жизнь живу, на меч опираясь. Другой жизни я и не знаю.

– Вижу, отговорить я вас не смогу, – говорил отец Теодор, останавливаясь на ступенях храма. – Раз так, прошу вас быть во всеоружии. Коварен и хитёр род Маленов, иначе не стали бы они из мелких землевладельцев курфюрстами.

Он протянул кавалеру руку.

– Да, святой отец, – отвечал кавалер, целуя перстень на перчатке епископа. – Буду помнить предостережения ваши.

Уже светало, когда епископ входил в храм. Люди простые и богатые, и даже благородные, ждавшие попа у церковных ворот, старались наперебой подобраться к нему и тоже поцеловать руку, подносили к нему новорождённых или больных детей, чтобы получить для них от святого отца благословение. И старый поп никому не отказывал, со всеми был милостив.

А вот Волков был задумчив. Прежде, чем сесть в седло, взялся за луку, остановился и стоял так в раздумьях целую минуту, не меньше. А думал он лишь об одном: стоит ли тягаться с Маленами?

Так ли уж нужно ему это поместье? Епископ-то прав. Вся знать за графом пойдёт. Для них он чужак, выскочка, а они тут вместе веками живут. И герцог за графа будет. А Волков, Брунхильду ко двору провожая, уже думал о том, что она

поможет ему с герцогом замирился. А если Малены ещё и город против него настроят, а они смогут, если постараются, на кого же ему тогда опереться?

Да, только на меч свой и сможет он опереться. Но поместье для сына как иначе добыть? Может, часть своей земли отдать? Но его земля – это глина, овраги, кусты бескрайние да пустоши. С Грюнефельде не сравнить.

Вот с такими думами и садился кавалер в седло.

– Надобно трактир какой найти, – сказал он, – завтракать пора.

Фон Клаузевиц, Максимилиан и Увалень спорить с ним не стали.

Нашли трактир прямо недалеко от кафедрала. На вид был хорош, а еда оказалась дрянью, видно, повара были никудышные. Поели молока, мёда и хлеба, всё остальное, что им приносили к завтраку, есть было невозможно. Принесли жареную кровяную колбасу, а она несъедобная. Такое сало было прогорклое и вонючее, на котором её жарили, что с ней и рядом-то сидеть нельзя было, не то, что есть. И пироги, видно, были с тем же вонючим салом. Волков так разозлился, что звал к себе трактирщика и таскал дурака за волосы, бранил и заставлял его самого жрать те пироги. И платить ни за что не стал, даже за молоко с хлебом.

Так и не наевшись, поехали они к ратуше, где кавалер хотел повидать бургомистра и поговорить с ним о проделках этого графского холуя фон Эделя. Что он говорит, да с кем встречается, да к чему призывает славных горожан. А заодно и выяснить, что господа городские советники думают насчёт дороги.

Проезжая по улице Печников, в одном проулке, что выходил на эту улицу, он увидел человека. Человек тот был верхом и было сразу видно, что он из добрых людей. При железе нешуточном, при кинжале, в бригантине, борода отменно, серьёзен, глаза у него острые и непокрытая голова. Горяч.

Волков, встретившись с ним взглядом, уже думал господину поклониться, так как казалось ему, что он где-то его видел, да господин тот вдруг глаза отвел и стал разглядывать старую, закопчённую вывеску колбасной лавки.

Ну и ладно, поехали дальше.

Бургомистр, как и положено, был в ратуше. К нему люди шли вереницами. Но как показался Волков, так всех иных людей он оставил.

– Рад сообщить вам, друг мой, что вопрос по дороге до владений ваших почти решился положительно, – сразу заговорил господин первый консул города Малена Виллегунд.

– И что же повлияло на решение господ советников? – спросил Волков с чувством приятного удивления.

– Во-первых, уголь, который стал возить ваш племянник в город, а во-вторых, причастность к сему делу господина Кёршнера.

– Не понимаю, а что господ советников так взволновало?

Бургомистр чуть ближе наклонился к кавалеру:

– Часть городского купечества стала волноваться, что Кёршнер сам построит дорогу до вашей пристани, – многозначительно сказал Бургомистр.

– Ах вот как...

– Да, – продолжал тот, – уголь, что вы привезли в таких хороших количествах, многих господ негодантов удивил. Говорят, они посылали верных людей смотреть ваши пристани на реке, ваши склады. И после того стали волноваться, как бы ваш родственник Кёршнер не построил к вам дорогу сам. Они думают, сам построит, да потом никого к ней не допустит. А у них уже к вашей пристани аппетиты имеются.

Это было очень хорошо. Волков обдумывал услышанное, а бургомистр продолжал:

– Господа негоданты уже думают о покупке земли у вас, чтобы строить себе склады у вашей пристани при амбарах.

– Мне стоит подумать о том, – отвечал кавалер нейтрально.

«Чёрта с два они получат хоть аршин моей земли. Будут пользоваться только моими складами. Кажется, мне и барж парочку стоит прикупить».

Приятно всё это было слышать, но сейчас кавалера волновал другой вопрос:

– Друг мой, дошёл до меня слух, что некий господин фон Эдель в городе, не скрываясь, интригует против меня.

Господин первый консул развёл руками:

– Никто не может ему того запретить, – он чуть помолчал. – Тем более, что представляет он фигуру в наших краях весьма значимую.

– И что же думают о том уважаемые в городе люди?

– Ваши позиции незыблемы, уважаемый господин фон Эшбахт, – улыбаясь отвечал бургомистр. – И уже не будем говорить о ваших славных делах и победах, а вспомним лишь о вашей пристани и доступе к реке. О вашем угле из Бреггена и о лесе, который лежит на вашем берегу и дожидается лишь хороших дорог. Все говорят сейчас только об этом, уверяю вас, а все усилия графа и господина фон Эделя тщетны.

– И это всё, что говорят? – уточнил Волков.

– Ну говорят ещё, что городу на руку вражда двух важнейших в графстве персон, за одним из которых стоят все земельные сеньоры, а за другим три сотни солдат и боевой опыт. Советники и главы гильдий говорят, что сии персоны отныне будут более сговорчивы, так как будут у города искать поддержки. То нам надо обращать городу в выгоду.

Спорить с таким было глупо. Волков понимающе кивал.

– А ещё говорят, – продолжал бургомистр, – что вы во Фринланде разбили огромный лагерь и собираете там тысячи солдат. Говорят, что война с кантоном Брегген скоро опять возгорится. И что вы пойдёте к ним на их берег.

Конечно, кавалер прекрасно понимал, что втайне от всех его лагерь держать не удастся. Но такие слухи... Он даже и не знал, что ему на это сказать. Надо было ещё подумать, что было бы для него лучше: подтвердить эти слухи или опровергнуть их. Наверное поэтому, несмотря на заинтересованный взгляд бургомистра, Волков ему так ничего и не сказал на сей счёт.

Он бы ещё поговорил с господином первым консулом, но у того было много просителей и посетителей. Поэтому кавалер не стал его задерживать. И предложил поехать к родственнику, купцу Кёршнеру, на обед.

Господа фон Клаузевиц, Максимилиан и Увалень были этому весьма рады – все знали, что дом купца славится гостеприимством и весьма богатым столом.

Самый богатый и самый большой дом Малена, чего уж тут говорить ещё. Большая конюшня, слуги. Огромный обеденный зал. Слуги так расторопны, а хозяева так радушны, что Волков чувствовал себя тут едва ли не герцогом. Кухня? О кухне и говорить нечего. По сравнению с кухней дома Кёршнеров кухня графов Маленов была мерзкой трактирной стряпнёй. Даже повара-монахи епископа не могли тягаться с поварами богатейшего купца графства.

Конечно, начались разговоры с родственниками. И, конечно, начались просьбы. Госпожа Клара Кёршнер завела разговор про своего сына Габриэля. Вздумалось купчихе, чтобы второй её сын пошёл по стезе военной. И пригласила сына, чтобы кавалер на него взглянул, пока слуги накрывали на стол. Родственница просила кавалера взять его к себе в выезд. Габриэль Кёршнер оказался весьма крепок на вид. Да разговор вёл разумно и с большим почтением; выражал желание состоять при доме фон Эшбахтов.

Волков, может, и взял бы его, но была одна загвоздка. Молодые господа, выезд кавалера, могли и не захотеть служить вместе с сыном купеческим, да ещё со внуком вонючего кожевенника. Уж такие спесивые юноши как Фейлинги точно не упустили бы возможность хотя бы позлословить. А в среде молодых людей воинского достоинства всякое злословие легко могло закончиться поединком, а поединок – смертью. Волков и обернуться не успел бы, как ему доложили бы о мертвце. В этом кавалер не сомневался, служба в гвардии видел всё не раз, хотя среди гвардейцев поединки были запрещены настрого, но они случались систематически.

Но отказывать родственникам, конечно, нельзя. И тогда Волков придумал простой способ решить проблему:

– Георг, – обратился он к фон Клаузевицу, который присутствовал при разговоре, – не будете ли вы столь любезны и не возьметесь ли опекать и учить господина Кёршнера? Думаю, что отец его за сие учение не пожалеет некоторой суммы денег, например, пяти талеров в месяц.

Фон Клаузевиц был абсолютно беден. Всё, что он получал, так это деньги за походы, да полагающуюся ему часть военной добычи, которую тратил тут же. На одежду, новые доспехи, и как теперь уже Волков знал, на распутных девок. Пять талеров в месяц ему совсем не помешали бы.

– Опекать и учить господина Кёршнера? – удивлённо переспросил молодой рыцарь.

– Уж мы были бы вам так благодарны, – с улыбкой говорила госпожа Клара Кёршнер.

– Почту за честь, – фон Клаузевиц встал и поклонился хозяйке дома.

Вопрос был решён. Уж никто из молодых повес не осмелится задирать того, кого опекает фон Клаузевиц – рыцарь, который не побоялся в сложный момент выступить чемпионом сеньора и принять вызов любого фехтовальщика графства. После того случая Георг среди молодых людей, да и среди офицеров тоже, пользовался большим авторитетом, несмотря на свою молодость.

Тут появился и хозяин дома, сам господин Кёршнер, который был до этого занят делами:

– Друзья мои, – говорил он, кланяясь и улыбаясь радушно, – стол накрыт, прошу вас обедать.

Ах, что это был за стол! Особенно для людей, которые со вчерашнего вечера ничего толком не ели.

Сначала лакеи несли паштеты. Причём два на выбор: один из мяса дикой птицы с морковью, луком и базиликом, а второй из гусиных печёнок с чёрным перцем. Паштеты подавались с горячим белым хлебом и мягким сливочным маслом с укропом и чесноком. К паштетам приносили тёмный и крепкий портвейн.

Волков усмехался, глядя как его молодые люди жадно едят паштеты. Уж он знал, что за паштетами последуют другие блюда, он даже хотел сказать Увальню, чтобы тот так не спешил, но подумал, что это будет жестоко. Александр Гроссшвюлле жил, кажется, для того чтобы есть. Он снял свою огромную кирасу, шлем и стёганку, и сидел за столом, одетым на грани приличия – в одной нижней рубашке. Но, как ни странно, именно он среди всех людей за столом находил наибольшую симпатию хозяина дома. Они оба любили поесть. Именно Увальню господин Кёршнер советовал новые сочетания в еде и радовался, когда тот отвечал ему:

– Это очень вкусно! Уж не думал я, что паштеты с маслом так вкусны.

– Запивайте обязательно портвейном, но лишь глотками малыми, самыми малыми, у нас сегодня будут ещё и другие кушанья, нам пьянеть ещё рано, – советовал ему купец, радуясь отменному аппетиту этого большого человека.

Не дав гостям насытиться, хозяин велел уносить блюда с паштетами и нести птицу. Вальдшнепы, лесные голуби, рябчики тут же появлялись на больших блюдах. Хорошо зажаренные, без всяких пряностей, чтобы великолепный вкус птицы ничем не перебивать.

Тушки были лишь посолены и немного присыпаны перцем. Самую малость. Больше было и не нужно. Повара знали своё дело. К птице подавали самое светлое пиво и лёгкое красное трёх лет.

Тут уже господин Кёршнер оставил Увальню и решил, что настало время для серьёзного разговора. Так как Волков сидел по левую от главы дома руку, то купец мог говорить тихо. Так он и говорил:

– Все только и говорят в городе о вашем угле. Мало кто поверить мог, что вы из кантонов сюда уголь привезёте. До сих пор удивляются. Говорят, что пристань вы не зря поставили, что оттуда думаете по всей реке торговать. Весь Мален о том только и говорит.

Волков, с удовольствием разрывая рябчика, кивал: да, мне уже о том известно.

– Думаю, до наступления тепла вы весь уголь распродадите. Ваш племянник на удивление способный молодой человек, уж как мне ни обидно, но приходится ставить его в пример моим сыновьям и племянникам.

И про то, что Бруно Фолькоф умён и ответственен, кавалер и сам знал. Волков опять согласно кивал, он всё ждал, когда эти прелюдии закончатся, и купец перейдёт к делу.

– Ничего не упускает ваш племянник, всё записывает, на слово никому не верит, всё пересчитывает, для его лет сие редкая разумность. Будет большим купцом.

– Очень на то надеюсь, – отвечал кавалер, и тут же, беря новую жареную птичку, добавлял, – ах, что у вас за повара, я попрошу по старой памяти святых отцов из Инквизиции проверить их, уж не колдуны ли они.

Все за столом смеялись шутке. А те, кто шутку не расслышал, переспрашивали, про что она. Даже вечно серьёзный фон Клаузевиц смеялся.

– Прошу вас, дорогой родственник, не налегайте на птицу, – умолял его купец, – у нас ещё красная рыба будет, везли её от холодного моря в бочках со льдом, вкус у неё изумительный, и лучшие лимоны к ней будут, и вино белое, а потом ещё и барашек молодой, уже томится в камине на углях.

– Желаете умертвить меня едой, дорогой родственник? – смеялся Волков.

И опять все смеялись вместе с ним.

– Врагам не удалось убить меня ни железом, ни ядом, так вы меня ягнёнком собираетесь добить? – продолжал шутить кавалер.

Но купец его убивать не хотел. Посмеявшись со всеми, он снова тихо продолжил свой разговор:

– Уже все в городе говорят, что будет до ваших владений дорога, хоть граф тому противится и козни против строит. Говорят, что дело решённое. Что многие купцы, гильдии и даже коммуны желают вступить в концессию.

– Что ж, пусть вступают, – сказал кавалер с видом безразличным, словно это всё его мало заботило.

– Пусть-пусть вступают, – кивал господин Кёршнер, – но речь-то они ведут о дороге только до ваших владений. А дальше-то что? Весной и зимой дальше они как ездить думают? По глине да по воде лошадей надрывать?

«Уж не вы ли, мой дорогой родственник, хотите дорогу дальше, до пристани строить?»

– Об этом я тоже думаю, – говорил кавалер.

– И правильно думаете, – продолжал Кёршнер. – Дорога хорошая, что в любое время года доступна будет, дело недешёвое. Знаю я, что в средствах вы ограничены из-за войны. Ходят слухи, что собираете вы большую армию к лету.

Кавалер посмотрел на купца и ничего не сказал, как и бургомистру. Пусть думают, что хотят.

Кёршнер хотел уже дальше продолжить, да тут к ним подошёл лакей и поклонился.

– Ну, чего тебе? – раздражённо спросил купец у лакея. – Не видишь, дурак, люди разговаривают. Говори, чего хочешь?

– К господину кавалеру фон Эшбахту монах прибыл, – сообщил лакей.

– Монах? Какой ещё монах? – воскликнул купец. Ему этот монах был ох как некстати, он как раз такой серьёзный разговор с гостем затеял.

– Монах от епископа, – сообщил лакей.

– От епископа? – господин Кёршнер уже был более мягок.

- Да, от епископа. Спрашивает господина кавалера. Прикажете звать?

- Нет, - произнёс тут Волков, вылезая из-за стола и бросая салфетку рядом с тарелкой, - не зови, сам пойду спрошу, что ему нужно.

Глава 8

На вид монах был из тех, кто не от сладкой жизни подался в монастырь. К тому же был крив. Правый глаз его был навеки зажмурен.

- Ну? Говори, - начал Волов, оглядывая монаха.

- Его Высокопреосвященство занедужил, просит вас быть, - взволновано отвечал монах.

- Высокопреосвященство? Это архиепископ. Что, в Ланн меня просят быть? - удивился кавалер.

- Ой, нет. Не в Ланн, не в Ланн. Я перепутал. К нашему епископу, к отцу Теодору, - поправлялся монах.

- А что случилось? Что за хворь с ним приключилась?

- Не знаю, господин, - отвечал монах как-то натужно.

«Убогий какой-то, среди монахов таких немало».

- Мне велено было вас сыскать да позвать в дом епископа, - бубнил монах.

Будь кавалер трезвее, так обязательно спросил бы, как монах его нашёл. Но им было уже изрядно выпито, и поэтому он сказал только:

- Беги к епископу, скажи, что сейчас буду.

Он вернулся в обеденную залу, где продолжались пир и веселье, и сказал:

- Господа, нас спросят быть у епископа.

Молодые люди стали подниматься, а господин Кёршнер спросил взволновано:

- Что случилось, кавалер?

- Епископ захворал, просит быть, - отвечал Волов коротко.

- Очень надеюсь, что с епископом всё будет в порядке, - сказала госпожа Кёршнер.

- Надеюсь, что вы вернётесь, - улыбнулся купец.

Волков обещал им, что если хворь епископа отпустит, то они обязательно вернуться.

Отчего-то он волновался. Зачем зовёт его епископ так спешно, в час, когда уже приближаются сумерки и все нормальные люди сидят за столом? Что могло случиться? Даже если епископ и захворал, зачем он зовёт его, а не лекаря? Почему не написал письмо, уж два слова мог чиркнуть или совсем плох епископ?

Может, что-то граф затеял?

На дворе, когда уже он садился в седло, а Увалень держал ему стремя, он окликнул Максимилиана:

- Максимилиан, пистолет при вас?

- Да, кавалер.

- Зарядите. Господа, прошу всех вас быть настороже.

Выехали со двора купца, на улицах ещё было людно. Волков ехал первым, за ним Максимилиан. Он на ходу заряжал оружие. Зарядил и передал кавалеру. Тот засунул его за пояс сзади слева. Под левую руку.

От дома купца, сразу направо за угол от ворот, была улица Святого Антония, которая как раз вела к кафедральному собору. А от него было уже рукой подать до резиденции епископа.

Так и поехали. Горожане уже заканчивали дела. Лавки запирались. Ставни затворялись. Последние рассыльные с пустыми тачками спешили домой. Кто-то стоял на пороге своего дома, болтал с соседом, кто-то уже зажигал лампу перед домом – солнце-то уже садилось.

У одного проулка кавалер увидел трёх людей, что на старой пустой бочке играли в кости. Люди были при оружии, непростые люди. А у стены прислонены были протазан и крепкая алебарда.

На городскую стражу людишки не похожи.

«Отчего на промозглом сыром ветру играют, а не в тёплом кабаке? Охрана чья-то? А чья, дома тут не богатые?»

Он ехал и внимательно смотрел на них, проезжая мимо.

«Все в бригантинах, они из добрых людей или... разбойников?»

И тут он увидел человека, что уже сегодня видел. Это был тот человек, с которым он встретился взглядом, и тот глаза свои отвёл.

На этот раз господин был пешим. И опять он, едва взглянув на кавалера, глаза отвёл и стал говорить со своими спутниками. А спутников с ним было двое, и оба при оружии. И как наитие снизошло на Волкова, как открылось ему. Он вспомнил, что до того ещё видел этого господина у церкви, когда прощался кавалер с епископом, и там, у церкви, он был тоже пеший. Это уже было странно. Уж слишком много было встреч с этим господином и уж слишком много было с ним опасных людей.

В воинском деле всё просто – коли видишь что-то странное, так будь готов к тому, что странность это обернётся бедой. Его чутьё спасало его не раз и не два. Товарищи его всегда ценили за наблюдательность и внимание. Именно эти его качества спасали от засад и внезапных атак. А тут вон всего сколько, одно к одному ложится: глупый монах, неожиданный вызов к епископу, добрые люди при алебардах и протазанах на улице, играющие в кости, странный господин, которого он сегодня видит уже в третий раз, и опять же он с опасными спутниками.

«Нет, всё это неспроста. Неспроста».

– Стойте! – крикнул кавалер, поднимая руку, и сам остановил коня.

Увалень и фон Клаузевиц остановились сразу, а Максимилиан проехал чуть вперёд.

Играющие в кости как по команде уставились на него, про кости забыли сразу. Один из них, как-бы между делом, взял от стены протазан в руку. Они втроём глядели на него, словно его знали.

И ведь уже не повернёшь, не поедешь назад. Беда была в том, что кавалер и его спутники уже проехали их, эти трое были уже позади. А поскачешь, так на протазан и алебарду налетишь. Волкову и его людям ну никак нельзя было вернуться, чтобы не сцепиться с этими тремя на узкой улице. А сбоку из темноты проулка уже шёл к ним господин с двумя спутниками, а у спутников-то тоже алебарды. Видно, до нужной поры к стенам были прислонены, чтобы в глаза не бросались. А тут, кажется, уже понадобились.

Увалень, фон Клаузевиц и Максимилиан ещё ничего не понимают – озираются. Дети малые, да и только. Даже Георг, и тот оглядывается по сторонам, всё ещё почти безмятежен.

Кавалер смотрит вперёд по улице – если кинуться туда, но скорее всего и там их ждут. Ну конечно, так и есть. Из ворот сгнившего дома выходят добрые люди. Их трое, тащат за собой рогатку, которой стража ночью перегораживает улицу. У них тоже копья и алебарды. У этих господ и в людях, и в оружии явный перевес. А ещё... Кавалер уверен, что у них где-то должен быть стрелок.

Больше сомнений у Волкова не было:

– К оружию, господа! – орёт кавалер, выхватывая меч. – Это засада, скачем назад, все назад, к дому купца!

Он разворачивается и, чуть не сбив с ног лошадь Увальня, со всей прыти, со шпор, кидает своего коня на тех троих, что играли в кости у бочки – если их смести, Волков и его люди смогут ускакать обратно.

И ему это почти удаётся. Со всего маха он врезается в них, они все вместе, опрокидывая бочку с костями и роняя алебарду, летят на мостовую. Загвоздка лишь в том, что тот мерзавец, что взял протазан, прежде чем упасть на камни, встретил кавалера, как положено опытному солдату – он загнал оружие в грудь коня Волкова, загнал на всё лезвие. Конь тут же валится на передние ноги, а Волков через его шею и голову, теряя меч, летит в кучу сбитых наземь и опрокинутых на стену дома разбойников.

Он больно бьётся больным коленом о брусчатку. Его кто-то пинает сапогом в бок. Сильно пинает. Конь за шестьдесят талеров хрипит, заливая всё вокруг своей кровью, валится тут же, почти сверху, на барахтающихся людей, начинает бить копытами в агонии. Кто-то копошится рядом, пытается схватить Волкова за горло крепкой рукой, но может только вцепиться в ворот колета и тянуть на себя.

«Свалка? Опять? Да когда же это кончится?»

Он думает о том, что всю свою взрослую жизнь мечтал о том моменте, когда ему больше не придётся драться.

«Слава Богу, что надел свой колет, а лучше бы кирасу мне надеть. И шлем».

Но это он так думает, а рука по старой привычке уже ищет за голенищем сапога стилет. Вот он, родной! Лёг в руку, как будто и не покидал её никогда.

Кавалер бьёт копошащееся рядом тело. В железо! Бьёт ещё раз, сильнее. В железо! Ещё! Опять в железо, как бы руку своим же оружием не распороть. Но он всё равно бьёт ещё раз, и лишь теперь старая сталь находит свою кровь. Его

руку обожгла чужая кровь. Враг заорал резко, стал отползать от него, отбрыкиваясь, но он ещё раз удачно загнал клинок в мясо. Напоследок, так сказать.

А кругом шум, звон железа, крики.

– Бей коней, бей коней! – истошно кричит кто-то.

Звонко и жалостливо заржал молодой конь, кажется, это конь фон Клаузевица.

Сумерки всё гуще, но на земле белеет полоса. Это его меч. Вот это радость! Он нащупывает эфес. Да, это он, его драгоценный меч.

Кавалер встаёт, оглядывается, оценивает ситуацию. Максимилиан один на один дерётся с большим и тяжёлым мерзавцем. Ему будет нелегко. Но молодой человек быстрее здоровяка и не стоит на месте, хотя тот пытается наседать на него и теснить.

Александр Гроссшвюлле – вот уж кто молодец. Один своей огромной алебардой сдерживает троих. Тех троих, что перегородили дорогу рогаткой. Александр вообще не умеет пользоваться алебардой. Размахивает как оглоблей, ничего он врагам сделать не может, и не рубит, и не колет, страх больше нагоняет, а на него сыпятся удары, он словно собирает все их выпады на себя. Но Увалень за неимением лёгкой брони надел свои основные доспехи, и теперь его не так-то легко взять в его кирасе, шлеме, стёганке и укреплённых железом сапогах. Сволочи пытаются попасть ему по рукам и в лицо, но его алебарда весьма велика, а он весьма рьян, так что у мерзавцев пока ничего не получается.

Фон Клаузевиц, сцепился с двумя, один из которых тот самый бородатый господин, а второй крепкий, весьма крепкий мужчина с алебардой. Казалось бы, нет у молодого человека шансов. Но не зря, не зря Георг вызывался быть чемпионом кавалера.

Он очень ловок, особенно хороши его ноги. Ноги сильные, движения их быстры, пружинисты, что ни шаг, то верная позиция для защиты, ещё быстрый шаг, и верный, очень опасный выпад, что едва не закончился на лице господина. Меч фон Клаузевиц держит так легко, что, кажется, вот-вот выронит. Но ничего он не выронит. Шаг назад, и алебарда, которая должна была разрубить ему ногу,

пролетает мимо, рассекая лишь воздух, а Георг тут же кидается вперёд и в длинном выпаде тянется, тянется клинком... И дотягивается!

– А-а! – орёт мерзавец с алебардой, и та со звоном падет на мостовую. А сам враг хватается за бок и, покачиваясь, уходит прочь, в проулок.

Фон Клаузевиц достал его, достал, загнав клинок меча на два пальца прямо в его незащищённую доспехом часть тела, подлецу в подмышку.

Фон Клаузевиц смог избежать пары ударов и сделать свой великолепный выпад так быстро, что кавалер и до пяти не успел бы сосчитать. А Георг уже нарисовал мечом в воздухе дугу, стряхивая с клинка капли крови и как бы приглашая господина продолжить: ну, давай, мол. Начинай.

И вдруг Георг схватился за голову. За левую сторону головы, что выше уха.

Схватился, покачнулся и... выронил меч. А потом ещё раз пошатнулся. Сделал шаг, переставив ноги, словно пытаюсь не упасть. Тут уже бородатый господин ударил его наотмашь тесаком, слева направо. Быстро, точно, сильно.

Георг фон Клаузевиц падал на брусчатку уже, кажется, мёртвым.

Волков уже прятал стилет в сапог и левой рукой тянул из-за пояса пистолет. Он знал, отчего лучший его фехтовальщик выронил меч.

Нет, кавалер не видел за ухом молодого рыцаря торчащего оперения болта.

Просто знал, что оно должно оттуда торчать, а ещё он знал, откуда был произведён выстрел.

Локтем правой руки, которой он держал меч, он откинул крышку с пороховой полки, и сразу поднял оружие.

Он не мог ошибиться, будь он арбалетчиком в этой засаде, он бы сам там уселся. И опыт десятков лет на войне его не подвёл. Арбалетчик и вправду сидел на сарае, на одном из скатов его крутой крыши, сидел совсем рядом, прямо над схваткой. Оттуда ему всё было отлично видно. Все цели как на ладони. Но и его

чёрный силуэт прекрасно был различим на розовом фоне предсумеречного неба.

Колёсико со свистом завертелось, высекая маленький снопик белых искр.
Шипение!

Пах!!!

По крутой крыше сарая рассыпались и покатались вниз болты, один за другим, а потом пополз вниз и арбалет. Арбалетчик схватился за правый бок и стал на сиделище съезжать по крыше, пока не спрыгнул вниз за забор.

С ним было кончено.

И тут каким-то чудом, наитием, краем глаза Волков увидел движение слева от себя. Не иначе то было провидение Господне. В общем, он отпрянул, а пистолетом словно закрылся от чего-то того, чего не смог разглядеть. И этим спасся.

Удар алебарды пришёлся ему не на голову, а на пистолет и на левое плечо. Он уже и забыл, как болело это плечо; хорошо его тогда монах из Деррингхофского монастыря вылечил. Но теперь он вспомнил эту боль. Пистолет отлетел в сторону к мёртвому его коню, а перед ним уже опять человек с алебардой – видно, из тех, что был у бочки, да ещё тот господин бородатый, будь он проклят.

В левом плече острая боль, да никто ждать не станет, пока она пройдёт. Снова бандит размахивает алебардой, а за ним и бородатый с окровавленным тесаком, вот они, тут. Уворачиваясь от алебарды, кавалер делает выпад. Да нет же, до фон Клаузевица ему далеко. Бородатый легко отводит его меч и сам рубит его под правую руку, в бок.

Господи, благослови того ламбрийца, что пришил кольчугу под его колет! Слава Богу, кольчуга выдержала. Но удар у бородатого такой, что дыхание у кавалера перехватило. А тут снова, да со всего размаха, разбойник, что слева, рубит его алебардой.

«Да будь ты проклят!»

Здоровый, собака, широкий в плечах, морда перекошенная, злая. Попадёт, так никакая кольчуга не поможет. А размахивается он так, что и мысли у кавалера нет защититься, только отступать. А много он на своей больной ноге не набегает. А тут ещё и бородатый лезет со своим тесаком. Заходит сбоку, так и норовит рубануть справа.

Вечер, зеваки попрятались, смотрят из-за углов. Бабы, правда, кричат: убивают, стража, убивают! Но, кажется, то дело пустое.

Дело дрянь, тянуть нет смысла. Появится стража городская или нет, непонятно, а может, ей заплатили за то, чтобы она тут не появилась.

Сейчас Увалень упадёт, ему уже тяжело, даже отсюда видно, что он устаёт, да и бурые пятна на полах стёганки не сами по себе появились. Максимилиан всё скачет, он ещё бодр, но ничего со своим противником он сделать не может. А эти двое всё наседают на кавалера, и не устают, и говорить с ним не собираются. Всё, что им нужно, так это убить его.

И опять, опять его выручает солдатский опыт. Казалось бы, всё, уже и надежды нет, но драться нужно всегда до конца. Так он и раньше выходил живой из всякой безнадёги.

Волков, отбив очередной удар алебарды – на сей раз бандит его пытался заколоть – сделал выпад на бородатого. Тот отпрянул, а кавалер, пока появилась пара мгновений, развернулся и, стиснув зубы от боли в ноге, кинулся прочь, побежал, хромя, к Максимилиану и его здоровяку. Пока бородатый и бандит с алебардой поняли, что происходит, пока кинулись следом, Волков был уже в пяти шагах от здоровяка.

– Шульц, сзади! – кричал бандит с алебардой, топя сапожищами за кавалером.

– Сзади, сзади Шульц! – надрывно орал бородатый, тоже торопясь за ним.

Но не докричались они, не успели немного. Шульц уже повернулся к Волкову, изобразил удивление и попытался поднять свой большой фальшион. Но Волков рубанул его по руке. Дотянулся.

Шульц заорал, роняя оружие, и тут же получил колющий удар в горло. Это Максимилиан постарался. Убил его одним ударом.

– Под левую руку! – кричал кавалер, оборачиваясь к догоняющим его разбойникам.

Но Максимилиан полез не туда.

– Под левую мою руку, болван! – продолжал кричать Волков.

И Максимилиан услышал, стал чуть сзади его левого плеча. Все остановились – и Волков с Максимилианом, и разбойники. Стояли, переводя дыхание. Не будь у врагов алебарды, им было бы легче, но этот длинный топор в сильных руках бандита всё портил.

Волков это понимал, чего уж тут непонятного. А ещё три разбойника уже загнали Увальню к воротам и просто рубили его, он почти не отбивается, отталкивает своих противников древком, и всё.

Бабы на улице всё орут и орут, зовут стражу, но стражи нет.

Волков чуть повернул голову к Максимилиану и говорит так, негромко, чтобы слышал лишь он:

– Около моего коня, вот там, пистолет, как они начнут, делайте вид, что бежите. Зарядите его, слышите?

– Да, кавалер, – так же шёпотом отвечает молодой знаменосец.

Ждать долго не пришлось. Едва Максимилиан договорил, бородатый, видно отдышавшись, махнул тесаком: вперёд. И разбойники кинулись на Волкова. А Максимилиан кинулся прочь. Словно убегал в проулок.

Сразу пришлось уворачиваться от алебарды. Опять этот здоровый мужик наседавал, передохнуть не давал.

«Продержаться бы, пока он зарядит пистолет!»

Волков всё ждал, пока он это мерзавец «просядет», хоть чуть замешкается при выпаде, даст ему хоть один шанс, чтобы скользнуть мечом по древку и разрубить разбойнику руку, да какой там... Бандит опытен. Да и бородатый не дает и движения лишнего сделать. Волков только отходил, только отбивался.

«Да где же этот Максимилиан с пистолетом!?»

И чудом, чудом он сильным ударом меча отвёл алебарду, когда бандит хотел проткнуть ему левую ногу, и тут же, опять же чудом, отвел рубящий удар бородатого, который решил ему раскроить голову ударом справа. Когда тебя пытаются убить, а ты ждёшь помощи, время тянется на редкость неторопливо, словно выжимая из тебя все силы и последние надежды.

«Ну, где же Максимилиан, чёрт его задери!?»

Ему уже не хватало воздуха, хотя и враги его заметно притомились, но всё равно были ещё рьяны.

И тут он увидел Максимилиана. Тот шёл быстрым шагом, подходил со спины к его врагам. В одной руке меч, в другой... Пистолет!

Спокойно подойдя к алебардщику сзади, он поднял пистолет.

– Бородатого! – крикнул Волков, так как именно он был у разбойников главным.

Но колёсико уже высекало искры. Ретивый разбойник и тут успел обернуться, но, кажется, даже удивиться ему не пришлось; порох выплеснул ему прямо в лицо дым, пламя и железную пулю, которая, разнеся ему лицо, вырвала кусок затылка, забрызгав кровью и Волкова, и бородатого.

Бородатый на то взглянул раздосадовано, и тут же получил хороший укол от Волкова. Кавалер дотянулся в длинном выпаде и воткнул меч ему в левую руку, чуть выше локтя.

Бородатый отскочил, схватился за рану. Огляделся. Нет, дураком не был, ещё дым не рассеялся, а он уже быстро уходил в проулок, на ходу наотмашь рубанув Максимилиана своим тесаком. Бил в голову, но юноша успел закрыться, и удар

пришёлся на руки, в которых он держал пистолет и меч. А там, спасибо сеньору за подарок, рукава ламбрийской кольчуги, удар они выдержали, кости тоже. Ну а боль с синяками пройдёт.

Волков хотел пойти догнать бородатого и обязательно, обязательно убить его, причём убивать его болезненно и долго, но сил у него не было совсем. Рёбра болели справа, левое плечо ныло, нога опять же, куда же без неё, и, главное, ему не хватало воздуха. Кажется, он стар становился. Как старику ему не хватало дыхания.

- Лекаря, - неслось на улицей, - лекаря зовите!

- Лекаря и стражу! - доносилось из сумерек с другого конца улицы.

А он стоял, опираясь на меч, тяжело дышал и больше ничего сделать не мог. Даже говорить сейчас не мог.

Глава 9

Александр Гроссшвюлле сидел на коленях на мостовой. Весь, весь он был в крови. Его большая алебарда лежала перед ним. А он, на удивление безучастно, рассматривал свои изрубленные руки. Почти всё лицо его, особенно левая часть, было в рассечениях; рассечениях глубоких, на левой скуле даже кости лица были видны. Кровь стекала на подбородок и оттуда на кирасу. Волков, пряча меч, подошёл к нему, присел рядом, стал осматривать раны:

- Ничего, ничего, глаза целы, это главное. Останутся шрамы, но это ерунда, красавчиком вы всё равно не были. Чёрт! - кавалер поглядел на его изрубленные руки. Особенно плоха была левая рука. Волков вскочил и заорал: - Телегу мне! Талер за телегу!

Из домов стали выбегать люди, они уже несли лампы, так как сумерки почти превратились в ночь. Они ужасались. По всей улице убитые люди и кони. Они шептались:

– Это фон Эшбахт?

– Он. Я его узнал. А это люди его.

– А с кем же они бились?

– Да почём же мне знать!

– Может, горцы?

– Может, и они.

Но Волков всё кричал:

– Есть у кого телега?

– Господин, у меня тачка, – отвечал молодой горожанин. – Этого господина я смогу отвезти на ней к доктору Берку.

– Да-да, – соглашались другие люди, – отвези истерзанного господина, Ганс, доктор Берк тут недалеко живёт и недорого берёт.

Пока Ганс вывозил из подворотни свою тачку, на которой развозил днём овощи, пока все вместе на неё укладывали Увальня, появился пристав с двумя стражниками. Он стал выяснять, что произошло, попытался поговорить с Волковым, но кавалер был с ним груб.

И тогда пристав говорил с Максимилианом. А как узнал от него всё, так тут же послал людей к коменданту и начальнику городской стражи. А заодно сказал им забежать к первому городскому судье.

А Волков тем временем уже хромал возле тачки, на которой горожанин Ганс вёз Увальня к доктору. Волков держался за борт тачки. Он бы взял Увальня за руку, не будь руки того так изрублены. Впереди и позади тачки шли люди: и мужчины, и женщины. Несли фонари, освещая тёмные улицы, возбуждённо разговаривали. Другие горожане, прервав ужин, открывали окна и кричали сверху:

– Эй, Дитрих, какого чёрта вы не спите? И куда вы все собрались?

– У нас на улице был бой, куча убитых! – радостно сообщал Дитрих.

– А кто с кем дрался?

– Говорят, какие-то бриганты напали на господина фон Эшбахта и его людей, и тот с ними бился прямо на нашей улице! Куча убитых, вся улица в убитых! Уже стража прибежала, говорят, что послали за комендантом и судьёй, – рассказывал горластый горожанин.

– А куда вы идёте?

– Везём израненного человека фон Эшбахта к доктору Берку.

– Что за глупцы! – кричали из другого окна. – Доктор Берк болван, он и лишай не вылечит. Везите раненого к доктору Вербенгу. На Капустную улицу! Подождите, я с вами!

Пока добрались до доктора Берка, уже собралась толпа человек в сто. Всё были возбуждены, все переговаривались. Многие кинулись помогать заносить Увальню к доктору в дом.

Доктор Берк и вправду оказался болваном.

– Что вы делаете? – рычал кавалер, видя, как доктор собирается заматывать раны на руках тряпками. – Вы что, не собираетесь сначала их промыть?

– А зачем? – спросил доктор. – Да и чем их промывать?

– Не знаю, – Волков вспоминал, чем промывал раны брат Ипполит. – Отваром чистотела или раствором прополиса.

– Нет у меня ничего такого, – признался доктор. – Да вы не волнуйтесь, сейчас на малые раны наложим бинты, а большие раны смажем мазью с кошачьей слюной, они зарастут так быстро, что вы и выспаться не успеете.

– А с этим что вы собираетесь делать? – спросил кавалер, указывая на торчащую из кисти руки Увальня белую кость.

– По опыту скажу, что если Господу будет угодно, то само всё срастётся, – заверял его доктор Берк. – А если нет, то – нет.

– Дурак! – Волков поднёс к носу доктора кулак. – Разбить бы тебе морду.

– Так за что же? – искренне удивлялся доктор.

– За то, что время с тобой потерял! – заорал кавалер. – Эй, люди, берите раненого, где живёт доктор Вербенг?

Доктор Вербенг, что жил на Капустной улице, был доктором, несомненно, иного уровня. Он был немолод и опытен. Сразу велел служанке ставить воду на огонь и говорил Великову, оглядывая раны Увальня:

– Нет нужды волноваться, господин фон Эшбахт, я сделаю всё, что нужно.

– Вы умеете зашивать раны?

– Не волнуйтесь, я всё умею. Эй, люди, кладите раннего на стол. Сначала нужно его раздеть. А вы господин Эшбахт, ступайте по делам, раньше рассвета не возвращайтесь, работы тут много.

Волков смотрел на него с подозрением; уж очень он волновался за Александра, боялся, что костоправ-неумеха сделает из молодца калеку. Но кажется, что этот доктор понимал, что делал, поэтому стоять над душой у него он не хотел.

– Я вернусь, а вы уж постарайтесь, – говорил он весьма обещающим тоном.

Доктор в ответ только поклонился.

Кавалер вернулся на улицу Святого Антония, а там полно народа.

Комендант города, капитан городской стражи, он обоим знал, они уважали его, а он их. Также был всякий иной люд, в том числе кавалер увидел главу гильдии оружейников и других нобилей. Приехал и господин Кёршнер, привел с собой полдюжины вооружённых слуг. Но к военным господа нобили пока не приближались – понимали, что те заняты делом. Даже Кёршнер не лез к кавалеру с расспросами по-родственному, ждал, пока тот обратит на него внимание. Но Волкову и офицерам было не до зевак, даже до знатных.

Всех убитых, а их было пятеро, сложили у стены. Фон Клаузевица положили отдельно. А к забору напротив были привязаны две живые лошади – одна Максимилиана, вторая фон Клаузевица. Одна была ранена. Лошадь Волкова и лошадь Увальня были убиты. Тут же у забора было сложено найденное оружие.

Комендант, старый солдат, поклонился ему вежливо, просил осмотреть убитых.

Волков молча осмотрел убитых бригаентов. Максимилиан ходил за ним, тоже разглядывал мертвецов. Первым лежал тот, которому фон Клаузевиц загнал меч в подмышку. Он тогда бросил алебарду и ушёл, да видно недалеко. Вторым был убит Волковым, исколот стилетом. Стиллет в двух местах пробил бригантину бандита. Один прокол темнел кровью прямо у сердца.

«А рука-то у меня ещё крепка».

А третий и четвёртый – дело рук Максимилиана. Одному он разнёс голову выстрелом из пистолета, второго зарубил, когда тот отвлёкся на атаку кавалера.

«Мальчишка-то вырос. Молодец. Рука уже не дрожит, как в подвале в Хоккенхайме».

– Должен быть ещё один, – сказал кавалер коменданту, указывая на забор, – он был там, я попал ему в бок. Он не должен был далеко уйти.

Тут же два стражника пошли смотреть за забор, а комендант спросил:

– Кавалер, а сколько бригаентов было вообще?

– Девять, кажется, – ответил Волков.

– А вас сколько? Всего четверо? – со значимостью спросил старый комендант.

В другой раз Волкову были бы приятны эти значимость и видимое уважение в вопросе. Но сейчас, когда тут, в пяти шагах от него, лежал на мостовой, рядом со своим мечом, его чемпион, молодой рыцарь Георг фон Клаузевиц, ему это не очень-то это польстило. Он просто молча кивнул.

«Да. Четверо».

– Все городские ворота закрыты, – произнёс, подходя к ним капитан городской стражи. – Сейчас я начну проверять все кабаки города. Может, кого и найдём.

Тут пришли два стражника, что были за забором, принесли арбалет и пару болтов:

– Вот, нашли там, но самого стрелка там не было.

Комендант указал, куда им положить арбалет.

– Арбалетчик был ранен? – уточнил комендант города.

Волков молча кивнул.

– Если среди них есть раненые, они будут искать лечения, – предположил комендант.

– Да, верно. Пошлю людей ко всем докторам и лекарям, чтобы сообщили о подозрительных людях, – произнёс капитан стражи.

– А сможете вы, господа, обыскать дом графа? – вдруг спросил у них Волков.

Комендант и капитан переглянулись. Шутка ли, обыскать дом самого графа. Оба молчали, но коменданту, как старшему, пришлось отвечать:

– Только если бургомистр прикажет или первый городской судья.

– Тогда вы никого не найдёте, – спокойно произнёс кавалер. – Можете распустить людей по домам спать.

И как раз вовремя на улице появилась дорогая карета и фореиторы с факелами впереди неё.

– А вот и он сам, – произнёс капитан стражи.

– Кто? Бургомистр? – удивился такой карете Волков.

– Нет, бургомистр у нас ещё не так богат, это наш первый судья, – сказал комендант.

С первым судьёй города Малена, с господином Мюнфельдом, Волков тоже был знаком, не раз судья на пирах сидел с ним за одним столом.

– Друг мой, – протягивал к нему руки судья и обнимал его, – как услышал об этом злодеянии, так сразу приехал сюда. Соболезную вам, дорогой наш господин фон Эшбахт. Говорят, что в схватке с бригаантами, с этими подлыми разбойниками, погиб ваш человек.

– Мой лучший человек, мой чемпион, – отвечал кавалер.

Судья подошёл к лежащему на мостовой рыцарю, стал креститься:

– Господь да примет душу этого славного юноши. Думаю, что эти бригаанты не из наших мест, но клянусь, я сделаю всё, чтобы выяснить, кто зачинщик этого злодеяния, – говорил господин Мюнфельд.

Волков видел, как комендант и капитан стражи оба переглянулись и невесело усмехнулись. Но что ему было не до усмешек, он просто спросил судью:

– Вы можете дать санкцию на обыск дома графа?

– Что? – судья, кажется, даже не понял вопроса.

– Думаю, что живые бриганты срываются в доме графа, – разъярял ему ситуацию кавалер. – Среди них есть раненые.

На улице было темно, лишь свет ламп горожан освещал местность, да догорающие факела стражи, но даже в этом свете Волков видел, как поменялось лицо судьи. Как сразу всё тут ему стало неинтересно и скучно, и убитый молодой рыцарь уже мало его волновал, и он отвечал с заметной меланхолией в голосе:

– Друг мой, сие вопрос политический, и разрешать его не в моей власти, пусть на то бургомистр даёт добро, а уж я тут не при чём. Совсем не при чём.

– Политический? – переспросил кавалер.

Судья только развёл руки, демонстрируя своё бессилие перед обстоятельствами.

Глава 10

Стражники, кажется, в тот вечер все трактиры и кабаки перевернули.

У всех ворот были; опрашивали, кто последний выходил из города. Никого из стражи домой не отпустили, на стены свободных поставили для верности – ловкачи могли со стен спуститься по верёвкам.

Ещё до полуночи к месту приехал и бургомистр. Почему поздно приехал, да потому что сначала, как узнал о случившемся, так поехал он к епископу посоветоваться. И тот наказал ему привезти кавалера к себе.

– Ждёт он вас, друг мой, не спит, – ласково говорил первый консул города.

К тому времени Волков уже совсем силы потерял, молчал всё больше, не мог уже ни злиться, ни ругаться, но вопрос свой бургомистру всё равно задал:

– Вы дадите распоряжение обыскать дом графа?

– Нет, – сразу ответил господин Виллегунд, – такой серьёзный вопрос может решить только совет города. Но не надейтесь. Никто не осмелится даже голосовать за такое, обыскивать дом графа. Нажить такого врага никто в здравом уме не решится.

«Ну хоть не юлит».

Приехала телега.

– Я распорядился отвезти тело несчастного рыцаря для омовения, – сказал бургомистр. – Епископ уже послал людей, чтобы начали читать над ним панихиду. Об этом не беспокойтесь. Поедьте к епископу, он ждёт вас.

Волков не без труда влез в бедную карету бургомистра. Максимилиан ему помогал. И в сопровождении четырёх стражников с сержантом они поехали в дом епископа.

Бургомистр сначала думал с ним говорить, расспрашивать или успокаивать, но, видя его мрачное настроение, разговорами донимать передумал. Доехали до дворца епископа быстро. Было тут недалеко.

Отец Теодор встретил в прихожей, не поленился спуститься. Обнимал тепло, приговаривая:

– Сие все приличия переходит. Буду писать брату моему, епископу вильбургскому, и самому курфюрсту писать буду.

Волков усмехнулся:

«Вот уж оба они и порадуются».

– И бургомистр напишет герцогу, – продолжал отец Теодор. – Виданное ли дело, устраивать нападения на видных персон прямо в городских стенах.

– Что за пример граф показывает другим господам, – поддакивал бургомистр. – Этак любое дело можно решить наёмными бригадами. Ни совет городской не нужен, ни суд. Нанимай разбойников, да режь соперника на улице.

Так за разговорами, медленно из-за епископа, они поднялись по лестнице и, войдя в залу, где горел камин, расселись в кресла.

– Ваши люди, кроме фон Клаузевица, живы?

– Один порублен, но жить будет, – ответил Волков.

– Жаль молодого рыцаря, фамилия-то бедная, но славная. Думаю послать к его старшему брату человека с сообщением, – продолжал епископ. – Я сам прочитаю панихиду по нему.

– Все расходы по похоронам город оплатит, совет не посмеет артачиться, – сказал бургомистр.

«Ну, а теперь к делу, господа, не для этих панихид вы меня сюда звали».

Так и вышло, слуга принёс им вино и закуски, ушёл, и епископ, даже не притронувшись к своему бокалу, заговорил:

– Вижу, что спокойны вы, кавалер. Думаю, что слушаете вы нас, слушаете, а сами для себя всё уже решили. И вот хотели бы мы знать, что вы решили.

Волков взял свой стакан, стал вертеть его в руках, ничего не отвечая на вопрос.

– Думаем мы, что вы отважитесь на поступок, что повредит вам сильно, – предположил бургомистр.

– Может, и повредит, но кем я буду, если не отвечу на удар? – спросил у него Волков. – Так всякий думать будет, что меня безнаказанно бить можно.

– Уж никто так не думает, – заверил его господин Виллегунд, – иначе как в превосходных степенях о вас сейчас никто и не говорит. Слыхано ли дело, вчетвером дюжину добрых людей одолеть.

Но ни лесть, ни честное восхищение его сейчас не трогали:

– Их было десять, и были они разбойники, – ответил кавалер, но сам сомневался в своих словах, уж больно умело людишки те владели оружием. Нет, не от дорожного промысла были те люди.

– Рыцарь, – вкрадчиво заговорил епископ, – бургомистр волнуется. И волнуется обоснованно. Боятся господа советники, что развяжете вы тут войну.

– Так она, вроде, уже и развязана, – заметил Волков. – Бои у вас в городе уже идут, бургомистр.

– Всё так, да, всё так, но прошу вас не усугублять, прошу вас не нападать на дом графа, – заговорил первый консул города Малена.

– Не нападать? – удивился кавалер. – Так там, мне кажется, и сидят убийцы фон Клаузевица. И мерзавец фон Эдель, которого я подозреваю в организации нападения, там же сидит.

– Да, возможно сие правда, но советники очень обеспокоены. Очень. Уже они собрались и решили поставить стражу у дома графа, – предупредил бургомистр.

– Как проворны ваши советники, когда им страшно, – усмехнулся Волков. – Ночь на дворе, а они уже собрались и всё решили.

– Дорогой мой кавалер, коли вы решили с графом сводить счёты, то прошу вас делать это за стенами города.

– Граф делает это прямо в стенах! – воскликнул Волков.

– Прошу вас, кавалер, – произнёс бургомистр, – боюсь, что этим вы напугаете советников ещё больше, и тогда фон Эдель добьётся своего.

– А чего же он добивается?

– Добивается он того, чтобы вам воспретили въезд в город, – произнёс бургомистр, чуть помедлив.

«Мерзавец, что же ты днём мне этого не говорил».

А тут и епископ заговорил:

– И замок графа брать не следует, этим вы всех против себя ожесточите. За глаза вас и так местные сеньоры величали не раз раубриттером. Жаловались на вас.

– Никого из местных я не трогал.

– Верно, но они считают, что вы ворошите осиное гнездо за рекой, от которого все вокруг пострадать могут.

Волков посмотрел на попа тяжело и вздохнул:

«Уж не тебе, чёртов поп, о том говорить. Сам меня на это только и подстрекал».

– Нет-нет, – словно прочитал его мысли епископ, – я-то вас в этом не упрекаю сын мой, я-то как раз не против, но послушайте меня, старика, сейчас не отвечайте графу на подлость грубостью.

– Именно так, – поддерживал его бургомистр.

– Вы рыцарь Божий, сиречь Божий агнец, ангел, что злобы не имеет.

– Пролагаете мне всё забыть?

– Мы ответим иначе, – снова заговорил бургомистр. – Забегу вперёд и скажу вам, что совет уже решил, что выделит треть надобной суммы для постройки дороги до ваших владений. Как сатисфакцию за нанесённое вам в стенах города оскорбление.

«Это дорога вам уже нужна больше, чем мне. Очень вы хотите добраться до реки, до пристаней. А преподносите это как сатисфакцию. Видно, понравился вам дешёвый уголь, уже наверно купчишки ваши думают сами сюда его возить».

– И когда же совет успел принять это решение? – язвительно спросил кавалер.

– Совсем недавно, – уклончиво отвечал первой консул. – Осталось лишь утром решение совета оформить официально.

– Вот видите, – сказал епископ, – вот вам и ответ графу. Да и фон Эделя сильно покоробит это решение городского совета.

– Вы сказали, город даст треть суммы, – произнёс Волков, – а остальные деньги кто даст?

– О, об этом не волнуйтесь, дорогой фон Эшбахт, – уверил его господин Виллегунд, – на сей раз желающих войти в концессию предостаточно.

Когда бургомистр откланялся, епископ, тяжело вставая из своего кресла, говорил кавалеру:

– Помните, я говорил вам, что вам будут целовать руки и кланяться, пока вы будете побеждать?

– Помню, – отвечал кавалер.

– Считайте, что сегодня вы одержали ещё одну победу. Сатисфакция! – старый епископ засмеялся. – Купчишки нашли причину строить дорогу, хоть граф и сильно противился этому. Только не испортите всё глупым желанием отомстить сразу. Умейте терпеть, умейте ждать. Да, ждать и терпеть. Надо быть очень умным. Умным и терпеливым. Тем более, когда имеешь дело с такими змеями, как Малены. Но сейчас они своей этой глупостью, этим разбоем, дали нам хорошие возможности. И мы их не упустим. Обещаю вам, кавалер. Ступайте спать, завтра мы нанесём графу большой ущерб. Он ещё пожалеет, что осмелился на такое.

К Волкову подошла монахиня и сказала:

– Ваши покои готовы, господин. Ваш человек уже спать лёг.

Да, у него были во дворце епископа покои, но, кажется, он уже хотел иметь в городе свой дом. Чтобы не ютиться в гостях, а приезжать к себе. Но для этого нужно, чтобы перед тобой горожане не затворяли ворота, как перед буйным и

безрассудным. Поэтому в дом графа он, конечно, врваться не будет. Старый поп прав, надо подождать.

Утром уже приехал брат фон Клаузевица с женой, с ним была и сестра. Это бургомистр отправил к ним посыльного ещё ночью. Волков и епископ говорили с ними, утешали женщин, как могли. Брату же кавалер сказал, что Георг был примером всем остальным молодым господам. И что он сам вызвался быть его чемпионом бескорыстно в трудный момент, хотя Волков его о том и не просил.

– Он всегда был таким, – говорил брат.

Родственники не спрашивали у него, кто был виновен в смерти Георга. Нужды в том не было. Весь город, весь, так и исходил слухами, что в злодеянии этом виновен граф и лично его придворный, фон Эдель.

– Уж и не знаю, как фон Эдель будет выбираться из города, если он ещё тут, – говорил шёпотом бургомистр Волкову. – Люди злы, и все на вашей стороне, кавалер. Все жалеют молодого фон Клаузевица. Сегодня на рыночной площади какие-то наглецы кричали, что надобно графу запретить въезд в город, раз он так бесчинствует.

Говорил он это таким тоном, что Волкову стало понятно, что не без участия бургомистра в городе так кричали.

«Надо же, бургомистр норовит прямо-таки лучшим другом моим стать, впрочем, друг мне сейчас никак не помешает».

Родственники были не против, и епископ решил читать панихиду нынче, отпевать молодого рыцаря прямо сейчас. Ну, а что тянуть. В кафедральном соборе епископ велел звонарю играть траурный звон. Рассвело едва-едва, а весь город уже всё знал.

Не то, что в церкви было людно – на площади перед кафедралом было не протолкнуться. Те, кого служки и стража не пускали в храм, всё равно не уходили с площади.

Вся городская знать сошлась в церкви. Была и чета Кёршнеров.

С ними был их старший сын. Пришли соболезновать ему и семье фон Клаузевиц. Но Волков знал, что пришли они сидеть в первом ряду на панихиде. От этого ему стало тошно. Но... Отказать он им не мог. И когда служки всех рассаживали, Волков сказал, что это его родственники. Кёршнеры посему сидели в первом ряду с ним, с родственниками убиенного, с бургомистром, с членами совета города, с судьёй и капитаном стражи.

Когда всё готово было и гроб с рыцарем вынесли к кафедре, вышел епископ в своём лучшем облачении. Был он бледен и грустен. Но читал ритуал без запинки, звонко, вел дело со знанием. Старик был ещё хорош. Никто не усомнился бы в его здравом уме в его немолодые годы.

Отчитав панихиду, отец Теодор взошёл на кафедру:

– Прежде, чем всякий пожелает попрощаться с невинно убиенным юношей, что даже не успел связать себя узами брака, хочу сказать вам, дети мои, вот что: пусть тот, кто виновен в смерти его, не надеется на прощение. Не отсидится он в тишине. Не замолит сей тяжкий грех. И вина того, кто держал оружие, убившее этого молодого человека, меньше вины того, кто оплатил сие злодеяние. Да-да, дети мои, тот, кто платил, тот и есть истинный убийца. И по полной мере будет отпущено ему, ибо каждому воздастся за содеянное. Не в этом мире, так в мире ином, мире справедливом. Бойся, лукавый человек, не спрячешься ты от глаза Господнего. Ответишь ты за смерть юноши славного и честного. Ответишь, так или иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/konofal-skiy_boris/inkvizitor-bashmaki-na-flagah-tom-vtoroy-agnes

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)